
МАРИЯ ШЕФЕР
СЕРДЦЕ НЕ СЧИТАЕТ
ЗОЛОТАЯ КЛЕТКА · КНИГА 2

Мария Шефер
Сердце не считает

https://litres.ru/74760243
SelfPub; 2026

Аннотация

- Что значит "указан опекуном"? Что значит "трое"?

Я финансовый директор крупного холдинга. Я считаю всё, даже ступеньки. У меня есть белый диван, старая такса и правило никому ничего не быть должным.

Один звонок, и у меня трое чужих детей. Девочка тринадцати лет, которая собирает на меня досье. Мальчик, который не сказал ни слова с того дня, как погиб их отец. И четырёхлетнее существо в тельняшке, которое кусается и спрашивает у всех, когда они умрут.

Родная тётка хочет разлучить их, а суду нужна полная семья. Значит, мне нужна жена. На один год, по договору на сорок три страницы, с пунктом: "Стороны обязуются не влюбляться".

Она больничный клоун. Она ненавидит богатых. Она назвала сумму с точностью до рубля и запретила спрашивать почему.

Я всегда читаю сорок третьи страницы. Эту я не прочитал.

У меня не сходится. Потому что сердце не считает.

Содержание

Глава 1. Трое 5
Глава 2. Единорог 22
Глава 3. Семь нянь 36
Глава 4. Можно войти? 51
Глава 5. Полная семья 66
Глава 6. Презентация 82
Глава 7. Сорок три страницы 97
Глава 8. Горько 111
Глава 9. День первый 124
Глава 10. Шпаргалка 138
Конец ознакомительного фрагмента. 145

Мария Шефер
Сердце не считает

Мария Шефер
Сердце не считает
Серия "Золотая клетка". Книга 2

Глава 1. Трое

Олег

Договор о совместном ведении семейной жизни № 1. Пункт 1.1: "Стороны вступают в брак сроком на один год. Стороны осознают, что поступают странно".

В субботу в шесть вечера финансовому директору звонят только по трём поводам. Банк, налоговая и те, кто ошибся номером. Банк в субботу спит. Налоговая не звонит, она присылает. Поэтому я решил, что кто-то ошибся.

- Ледовский Олег Викторович? - спросил женский голос. Голос был сухой, немолодой и сразу недовольный, будто я уже что-то нарушил. - Отдел опеки и попечительства, город Кострома. Крюкова Зоя Павловна.

Я стоял в дверях оранжереи, которую мой брат построил для своей жены, и с меня текло. Десять минут назад небо обрушилось на их свадьбу. Гости визжали, стулья плавали, мой старший брат нёс невесту на руках через сад и орал "Это не обсуждается" с лицом счастливого идиота. Я спас две бутылки. На мне был галстук с экскаватором, подарок от благодарного коллектива. Меня только что чуть не прошибла слеза, и я был этим очень недоволен.

- Простите, откуда? - сказал я. - Какая опека? Вы ошиблись, у меня нет…

- Я тридцать один год не ошибаюсь, - сказала трубка. -

Рябинин Андрей Степанович вам кем приходится?

У меня есть привычка: когда я слышу что-нибудь важное, я продолжаю улыбаться. Это рефлекс, ему двадцать четыре года. Улыбка осталась на месте, и я почувствовал, как она начала остывать.

- Как? - спросил я. За стеклом шумело так, что я заткнул пальцем второе ухо. - Что значит "приходится"? Что с ним?

- Погиб при исполнении. Вы не знали? - Она помолчала. Я услышал, как на том конце что-то булькнуло, как будто она наливала себе из термоса. - Значит, не знали. Седьмого мая, на Волге. Похоронен двенадцатого.

- Кто погиб?.. Андрей? Когда?..

- Я вам сказала когда.

Я посмотрел на кадку с лимоном. Лимон был маленький, зелёный и твёрдый. На листе сидела капля. Она собиралась упасть уже довольно давно и никак не могла решиться.

Седьмого мая, в четверг, я был на Южном квартале и подписывал акт. Двенадцатого, во вторник, ел в "Савве" утку с человеком из Сбербанка. Утка была так себе.

- Олег Викторович, вы меня слышите? Я вас неделю ищу. Вы мне нужны не для соболезнований. У меня на руках заявление, поданное гражданином Рябининым два года назад в установленном порядке, по статье тринадцатой. На случай смерти просит назначить опекуном своих несовершеннолетних детей, всех троих, вас. Вы там указаны. С паспортными данными и номером телефона, по которому я, как видите,

наконец дозвонилась.

Мне показалось, что шум воды отодвинулся куда-то далеко. Я услышал свой голос. Голос был хриплый и какой-то посторонний, как у человека, который говорит из соседней комнаты.

- Подождите. Что значит "указан опекуном"? Что значит "трое"?

- Трое значит трое. - Опять булькнуло. - Вы и этого не знали?

- Двое, - сказал я. - У него двое. Девочка и мальчик.

Пауза была короткая, но я, специалист по паузам в переговорах, сразу оценил её качество. В ней помещалось всё, что Зоя Павловна Крюкова думала о людях вроде меня.

- Варвара, тринадцать лет, - прочитала она, и было слышно, что читает она для порядка, а помнит наизусть. - Тимофей, восемь лет. Наталья, три года одиннадцать месяцев. Мать умерла в двадцать третьем. Других родителей у них нет, так уж вышло. Дети сейчас в социальном приюте, и в младшей группе у нас ремонт. Я работаю без выходных. Завтра с двенадцати я на месте. Записывайте адрес.

Я похлопал себя по мокрым карманам в поисках ручки. Ручки не было. Я всю жизнь ношу ручку, и сегодня её не было. Я взял из кадки щепку и нацарапал адрес на этикетке бутылки, потому что моя рука привыкла что-нибудь записывать, когда мне говорят цифры.

Капля упала с листа.

Сзади кто-то смеялся. Дима кричал про чай под дождём. Сергей обнимал свою жену посреди мокрых лимонов и шептал ей что-то в висок, а из гостиной, сквозь ливень, донеслась одна нота, потом другая. Я узнал бы эту мелодию из тысячи. Я не слышал её с девяти лет. Мой отец одним пальцем подбирал на рояле песенку про кота.

Я поставил одну бутылку на пол, а ту, что с адресом, взял с собой. Галстук был мокрый и холодный, как рука утопленника. Мне очень не понравилось это сравнение. Я вышел через боковую дверь и пошёл к машине.

На дорожке, под сосной, стоял Паша. Он только что отнёс в дом Нину Петровну вместе со скатертью и вернулся за каким-то стулом. Мой младший брат посмотрел на моё лицо. На бутылку. На ключи в моей руке. Паше двадцать девять, он был в таких местах, про которые не рассказывает, и он за секунду понимает про человека больше, чем рентгеновский аппарат.

- Пил? - спросил он.

- Я никогда не пью, - сказал я. - Ты разве не заметил? Четырнадцать лет хожу с одним и тем же бокалом.

Он заметил. По его лицу я понял, что он заметил давно. Это было единственное, что удивило меня в тот вечер.

- Куда?

- По делу. Скажи Серёже, что я украл его лучшую бутылку. Пусть целует жену и ни о чём не думает. Это сегодня не его день для плохих новостей.

Паша кивнул и шагнул с дорожки в сторону. Он не спросил, какие новости. В этом и состоит вся прелесть моего младшего брата.

* * *

От Пирогова до Костромы триста шестьдесят километров. Навигатор обещал пять часов десять минут, и я согласился.

Дождь кончился за Сергиевым Посадом. Я ехал в мокром костюме, с включённой на полную печкой, мимо Переславля с его озером, мимо заправок, шашлычных и деревянных церквей. Солнце садилось слева. Майский вечер был такой красивый, что хотелось кого-нибудь оштрафовать.

Я не умею плакать. Это не хвастовство, это техническая особенность, вроде отсутствия слуха. Вместо этого я считаю. Я посчитал, что Андрею было тридцать семь. Посчитал, что мы не виделись семь лет. Посчитал, сколько раз он звонил мне за эти годы, и бросил, потому что с этой цифрой было что-то не так, и я знал что.

Мне было девятнадцать, когда Андрей Рябинин вытащил меня из Волги. Об этом знали трое: он, я и его жена. Официальная версия была такая: сын Виктора Ледовского перебрал на корпоративном круизе и свалился за борт. Я сам её придумал. Она была смешная, и я долго рассказывал её на вечеринках, опуская название реки. А потом я прожил у них целый месяц, в доме с синими наличниками, и ел картошку с постным маслом, и никто в этом доме не знал, что такое EBITDA. Это было лучшее лето в моей жизни. Я никому об

этом не говорил, чтобы никто не вздумал его оценить.

Через полгода у него родилась дочка, и он позвонил и сказал, что я буду крёстным. Я спросил: "Почему я?" Он сказал: "Потому что ты мне должен". Он смеялся. Я приехал на крестины на "Порше" и подарил младенцу облигации. Я был очень смешной молодой человек.

Я воспитал трёх крестников и одну собаку, говорил я потом всем подряд. Шутка удалась. Сын банкира, дочь партнёра по гольфу и Варвара Рябинина, которой я каждый год четырнадцатого февраля отправлял курьером конверт. Тринадцать конвертов. Я всегда плачу вовремя.

У Ростова я остановился заправиться и долго стоял у колонки с телефоном в руке. Потом сделал то, что откладывал уже двести километров. Я открыл нашу переписку.

Рябинин Андрей. На аватарке он щурился от солнца, с рыжей бородой, в оранжевом жилете, и держал за жабры какую-то невероятную рыбу. Я пролистал вниз, до самого конца. Там было немного. Одно сообщение. Я и так помнил, какое. Просто я надеялся, что за три года оно как-нибудь исчезло.

Над ним значилось: "Пропущенный вызов", "Пропущенный вызов", "Пропущенный вызов". Четырнадцатое сентября, две тысячи двадцать третий год, 21:40, 21:43, 21:47.

И последнее, синенькое, с моей стороны, отправленное нажатием на одну очень удобную кнопку:

"Перезвоню позже".

Больше в этой переписке ничего не было.

Я закрыл телефон, заплатил за бензин и попросил у девушки на кассе ручку. Просто подержать. Она дала мне ручку с логотипом, и я постоял с ней немного и вернул.

* * *

В Кострому я въехал к полуночи и остаток ночи просидел в машине у кладбищенской ограды, потому что не смог придумать, куда ещё мне нужно. Через Волгу я не поехал. Мост там длинный, а по ночам вода внизу чёрная. Я на неё не смотрю. Это у меня тоже техническая особенность.

Светало рано. В шесть я вышел и пошёл искать среди берёз. Искать пришлось недолго. Такую гору венков видно издали: красные ленты, белые ленты, спасательный круг, МЧС России, "от экипажа", "от учеников седьмого Б", "от мамы Егора". И крест, ещё жёлтый, пахнущий смолой, и на кресте фотография.

Он щурился от солнца.

На оградке сидел старик в брезентовой куртке и что-то подкручивал отвёрткой. Рядом стояла вторая могила, на которой трава уже успела вырасти и была аккуратно подстрижена. "Рябинина Елизавета Николаевна". Он не обернулся.

- Ты кто будешь? - спросил старик. - В галстуке.

Я посмотрел вниз. На моей груди по мокрому шёлку ехал маленький жёлтый экскаватор.

- Ледовский, - сказал я.

Отвёртка остановилась. Старик медленно повернул голо-

ву. Лицо у него было как старое весло. Он оглядел мои туфли, брюки, галстук, посмотрел мне в глаза и сплюнул под ноги, совершенно без злобы, как сплёвывают, когда прогноз подтвердился.

- А, - сказал он. - Этот.

- Вы меня знаете?

- Михалыч я. Моторист на "Стрелке". Шестнадцать лет с ним на одной воде. Тем летом я от тебя через два дома жил, да ты по сторонам не глядел. - Он снова взялся за винт. - Он всё говорил: "Вот случись что, Олег приедет". Лиза болела, он говорил: "Олег приедет". Ну. Девять дней позавчера отвели. Опоздал, значит. Приехал.

Я открыл рот, чтобы сказать что-нибудь. Я всегда что-нибудь говорю. Это мой главный актив. Я сказал пять тысяч шуток на пяти тысячах совещаний, я шутил в кабинете у следователя, я шутил на похоронах.

В голове было совершенно пусто и очень чисто, как в новом офисе.

- Как он… - сказал я. - Что там было?

Михалыч докрутил винт и попробовал пальцем.

- Пацаны на лодке пошли, трое, в грозовой фронт, дураки. Перевернуло у Стрелки, на стрежне. Вода семь градусов. Двоих он вытащил. Я на катере стоял, принимал. Говорю: Степаныч, хватит, синий уже, дождись вторых. А третий там бултыхается, пятнадцать лет пацану. Он посмотрел на меня так и нырнул. Пацана под мышки, подвёл, вытолкнул мне

под руку. Я пацана за шиворот, втащил, оборачиваюсь… - Он замолчал и подержал отвёртку в руке, глядя на неё. - А воды полно, а его нету. Девятого у Красного нашли. Сердце, сказали. Холодовой шок. Двое суток искали всей станцией.

Берёзы над нами шумели мелкой новой листвой. Где-то далеко ударил колокол, один раз.

- Там дети, - сказал я. - Там трое детей.

- Да ну? - сказал Михалыч и посмотрел на меня с большим интересом. - Что ты говоришь. А мы и не знали.

Он собрал инструменты в тряпицу, поднялся, держась за оградку, и прошёл мимо меня. От него пахло соляркой. В двух шагах он остановился.

- Варька к нему приходит, - сказал он, не оборачиваясь. - Из приюта убегает и приходит. Ты с ней поосторожнее, господин. Она у нас не для слабонервных.

* * *

Социальный приют занимал двухэтажное жёлтое здание с решёткой на первом этаже и детским рисунком солнца на стене. Солнце рисовал кто-то без особой надежды. Пахло хлоркой, капустой и чужими вещами. Я дошёл до середины коридора, и что-то у меня в груди плотно сжалось. Я давно заметил это за собой в зданиях, где пахнет хлоркой, и никому об этом не докладывал.

Зоя Павловна Крюкова оказалась ростом мне по локоть. Маленькая сухая старуха с седым пучком, в синей вязаной кофте, за столом, заваленным папками, рядом с огромным

китайским термосом в цветочек. Она посмотрела на меня снизу вверх поверх очков, и я, человек, которого в ЦБ называют "этот ужасный Ледовский", вдруг почувствовал, что у меня не сданы тетради.

- Садитесь. Что это на вас?

- Галстук с экскаватором. Я со свадьбы.

- Чьей?

- Брата.

- Поздравляю, - сказала она тоном, которым объявляют выговор. - Паспорт. Судимости? Хронические заболевания? Наркотики, алкоголь? Женаты? Дети есть? Какая площадь жилья? Кто будет сидеть с ребёнком трёх лет, когда вы на работе? Сколько часов вы работаете?

Я отвечал. Судимостей нет. Хроническое заболевание - финансовая отчётность. Не женат. Детей нет, насколько мне сообщали. Двести сорок квадратных метров на пятьдесят восьмом этаже. Часов в неделю - я прикинул - примерно восемьдесят пять.

Она записала "85" и обвела кружочком. Это был самый страшный кружочек в моей жизни.

- Зоя Павловна, - сказал я и подался вперёд, положив локти на стол. Это была моя переговорная поза номер два, "Давайте решим всё как разумные люди". - Я очень ценю вашу работу. Андрей был мне… Я его друг. Я понимаю, что произошло. Послушайте, что я предлагаю. Я не гожусь в опекуны, это очевидно, вы сами обвели мне это кружочком. Но

я могу другое. Я найду им лучшую семью в этой области, какую вы одобрите. Я полностью оплачу всё: жильё, школу, врачей, университеты, хоть три Оксфорда. Я открою на каждого счёт. Я подпишу что угодно. Они ни в чём никогда не будут нуждаться. Назовите сумму, и вопрос закрыт.

Зоя Павловна налила себе из термоса в крышку. Подула. Отпила. Потом достала из папки лист, положила передо мной и развернула ко мне пальцем.

Это был бланк, заполненный от руки. Я знал этот почерк. Круглый, неторопливый, буквы как поплавки на воде. Он писал так в школьной тетрадке, в которой мы считали его зарплату в то лето: у него выходила двадцать одна тысяча, а у меня не сходилось.

"…в случае моей смерти прошу назначить опекуном моих детей Ледовского Олега Викторовича, который обязан и сможет их воспитать".

Одно слово в этой строчке было подчёркнуто дважды. Не "обязан". "Воспитать".

- Я читала это заявление тридцать раз, - сказала Зоя Павловна. - Андрей Степанович у меня вот на этом стуле сидел. Я его спросила: вы человека-то хорошо знаете? Он богатый, говорите, а вы ему нужны? Он мне: "Зоя Павловна, не беспокойтесь. Он сначала предложит денег". - Она посмотрела на меня поверх крышки. - Он написал не "оплатить", гражданин Ледовский. Он написал "воспитать". Деньги ваши оставьте себе. Пойдёмте.

* * *

Она сидела на подоконнике в конце коридора, спиной к стеклу, и читала. Длинная, худая, в чёрной водолазке, с тёмной косой толщиной в мою руку и в очках. На вид ей было лет сорок. У детей такого не бывает: у неё было лицо заведующей складом, которая видела все ваши накладные.

Она дочитала абзац. Заложила страницу пальцем. Посмотрела на меня. На туфли. На галстук с экскаватором. Этот взгляд, только с другого конца, я уже видел сегодня утром у могилы, и у меня возникло чувство, что старик и эта девочка согласовывали его между собой.

- Вы крёстный, - сказала она.

Голос у неё был низкий и совершенно ровный.

- Здравствуй, Варя, - сказал я. Я вдруг понял, что последний раз видел её в шесть лет, издали, через окно машины, на больничной парковке. - Я…

- Вы опоздали на тринадцать лет.

Зоя Павловна рядом со мной беззвучно отхлебнула из крышки.

- Я знаю, - сказал я.

- Сколько вы им предложили? - спросила Варя.

Я подумал, что ослышался.

- Что?

- Денег. Папа сказал, что вы предложите денег. Я хочу знать, сколько. Для статистики. - Она сняла очки, протёрла их подолом и надела обратно. Движение было настолько зна-

комое, что у меня свело шею: так протирает очки мой отец. Так теперь протираю я. - Вы откажетесь, господин финансовый директор. Это нормально, мне не обидно. Папа ошибся. Он вообще плохо разбирался в людях, он всех считал хорошими. Зоя Павловна, у вас в синей папке есть бланк отказа, дайте ему, пусть он успеет на обед.

Она открыла книгу. Это был учебник по теории вероятностей.

Меня только что уволили. Причём сделал это человек ростом метр шестьдесят в заштопанных носках, и я, к собственному изумлению, не нашёлся что ответить.

Что-то вцепилось мне в ногу.

Я опустил глаза. Из-за батареи, из-под подоконника, выбралось круглое существо с белыми волосами дыбом. На нём не было платья. На нём была мужская тельняшка, подвязанная на животе бечёвкой, и она волочилась по полу. Под мышкой существо держало тряпичную рыбу, сшитую из выцветшего брезента. Другой рукой оно держалось за мою штанину. Оно задрало голову и изучило меня снизу, с высоты примерно моего колена.

- Ты кто? - спросило оно.

- Я Олег Викторович, - сказал я и опустился перед ней на пол. Колени щёлкнули. В книгах пишут, что с детьми надо говорить на уровне глаз. Я сам рассказывал об этом брату. - А ты, значит, Наталья.

Она подумала. Положила рыбу на пол. Обстоятельно взя-

ла мою руку обеими ладошками, тёплыми и липкими, поднесла к лицу, словно собиралась поцеловать, и изо всех сил укусила меня за большой палец.

Я не закричал. Я горжусь этим до сих пор. Зубы у неё были мелкие, острые, как у хорька. Она подержала, разжала челюсти, осмотрела работу и подняла на меня спокойные голубые глаза.

- А ты когда умрёшь? - спросила Наталья Андреевна Рябинина.

Я стоял на коленях в коридоре приюта, с кровью на большом пальце, в галстуке с экскаватором. Варя за своей книгой не шевельнулась. Только страницу перевернула, и я мог бы поклясться, что с удовлетворением.

- По плану лет через пятьдесят, - сказал я хрипло. - Но после нашего знакомства возможны корректировки.

- А папа умер, - сказала она и подобрала рыбу. - Сазан хочет пить.

И пошла по коридору, волоча за собой полосатый подол.

Я поднялся. Вынул платок. И только тогда заметил, что мы здесь не одни.

В дальнем конце, у двери, на полу сидел мальчик. Маленький, светлый, с оттопыренными ушами. Перед ним на линолеуме лежал шнурок, вынутый из его собственного ботинка. Руки мальчика двигались сами, быстро и точно, как у взрослого: петля, ещё петля, конец под низ, затянуть. Развязать. Петля. Он смотрел на меня.

Он смотрел на меня и не отводил глаз, серых, очень спокойных, с тем особенным прищуром, как будто ему всё время светило солнце.

Я держал платок. Я забыл, зачем я его достал.

Этот взгляд я впервые увидел на мокром песке, в темноте, четырнадцать лет назад. Рыжий парень в оранжевом жилете смотрел на меня сверху вниз, пока я выплёвывал на берег Волгу. И я, синий, трясущийся, с полными лёгкими воды, сын Виктора Ледовского, спросил у него, стуча зубами, первое, что пришло мне в голову.

"Сколько я вам должен?"

- Тимофей, - сказала Зоя Павловна негромко. - Поздоровайся. Это Олег Викторович.

Мальчик затянул узел. Опустил глаза.

- Он не поздоровается, - сказала она, не меняя выражения лица. Отпила из крышки. - Он седьмого мая перестал разговаривать. Был у невролога, был у психолога. Говорить может. Не хочет. Ни с кем, ни слова. Старшая по ночам вылезает через окно и лезет по трубе в младшую группу к сестре, я им там уже решётку поставила, так она её подпилила. Разводить их нельзя, а у меня два корпуса. - Она закрутила термос, и я впервые услышал в её голосе что-то кроме выговора. - Тётка взяла их на неделю и через неделю вернула. Я вам вот что скажу, гражданин Ледовский. Бланк отказа у меня действительно в синей папке. Можете взять. Подпишете, и обед у нас в час.

В коридоре было очень тихо. Гудела какая-то лампа. Далеко-далеко шлёпали по линолеуму босые пятки и волочилась тельняшка.

Мой отец говорит: Ледовские не проигрывают. Сам я считаю это не девизом, а диагнозом. Я ненавижу быть должным. Это всё, что я про себя знаю точно. Я никогда в жизни не просрочил ни одного платежа.

Варя перевернула страницу. Она даже не смотрела в мою сторону. Она уже всё про меня посчитала, и у неё сходилось.

- На неделю, - услышал я свой голос. - Или на две. Пока я не найду нормальный вариант. Где подписывать?

Вот так я и совершил самую большую ошибку в своей профессиональной карьере. Я принял решение без финансовой модели.

* * *

Ночевать я поехал в гостиницу у самого вокзала, подальше от реки. Сел на кровать. Снял наконец галстук и долго держал его в руке. Палец распух и пульсировал. Экскаватор ехал в никуда.

Я снова открыл переписку.

"Перезвоню позже".

Какая глупость, подумал я. Он же не прочитает. Телефон его, наверное, на дне Волги. Телефон, наверное, уже отключён. Я финансовый директор, я взрослый человек, я не пишу покойникам. Это нерационально.

Я надел очки.

Отчёт № 1.

Получатель: Рябинин А. С.

Период: с 16 по 17 мая.

Активы: дети, трое. Третьего ты в заявлении указал, а мне не сообщил. Некорректное раскрытие информации.

Пассивы: я. Палец.

Вывод: ты идиот. Ты что, никого лучше не нашёл? Какого чёрта, Андрей.

Прошу дать письменные разъяснения.

Я нажал "Отправить" и посмотрел на экран.

Рядом с сообщением появилась одна маленькая серая галочка. Отправлено. Вторая, та, что значит "прочитано", не появилась.

Я посмотрел на неё ещё немного и выключил свет.

Глава 2. Единорог

Соня

Пункт 3.2: "Сторона 2 не обязана улыбаться Стороне 1 вне присутствия органов опеки".

В голове единорога на одиннадцать градусов жарче, чем в остальной Москве. Это не наука. Это мой личный замер, и проводила я его собственной головой.

Голова весит четыре килограмма. Смотреть надо через дырку в шее, поэтому мир ты видишь снизу, кусками: чьи-то колени, край скатерти, туфли за цену моей почки. Рог крепится на проволоке и в самый неподходящий момент клонится вбок, и тогда ты уже не единорог, а единорог после тяжёлой жизни. Хвост натирает. В агентстве "Праздник-Люкс" это называется "премиальный ростовой персонаж", и за час такого персонажа клиент платит девять тысяч, из которых персонаж получает две.

Была суббота, двадцать третье мая, четвёртый час дня, и я третий час скакала по лужайке на Рублёвке.

Мирону Эдгаровичу исполнялось шесть лет. Я знаю, что Эдгаровичу, потому что в техзадании так и было написано: "Именинник - Мирон Эдгарович". На лужайке стояли шатёр, шоколадный фонтан, карликовый пони с заплетённой гривой, диджей, два фокусника, клоун-шпагоглотатель из Минска и торт в четыре яруса в виде футбольного поля. Тридцать

детей носились по траве, как шарики в лототроне. Мамы сидели под зонтами и пили что-то бледное. Я успела заметить, что подарки разгружали из машины двое грузчиков.

А именинника не было.

За восемь лет я поработала на двух тысячах детских праздников и знаю точно, где искать именинника, если он пропал. Я сделала ещё один круг, для порядка лягнула воздух и двинулась к шатру. Подняла копытом край скатерти на столе с закусками.

Под столом сидел мальчик в маленьком белом смокинге с бабочкой. Он сидел на корточках, прижав к животу надутого гелием дракона, и смотрел на меня серьёзно и устало, как смотрят на контролёра в троллейбусе. Глаза у него были красные.

Первое правило "Праздник-Люкс": персонаж не снимает голову. Второе: персонаж не разговаривает, у него озвучка на колонке, "иго-го, ребята, все ко мне". Третье: персонаж не вступает в контакт с заказчиком и не отвечает на телефон. За восемь лет я нарушала их столько раз, что Жанна, наш менеджер, завела на меня отдельную папку.

Я встала на колени, залезла под стол, насколько пустил рог, и опустила скатерть за собой. Стало темно и душно. Я постучала копытом по ножке стола. Два раза, вежливо.

Мальчик посмотрел на копыто.

- Можно войти? - спросила я из дырки в шее своим обычным голосом.

Он долго молчал. За скатертью диджей предлагал всем поднять руки выше.

- Ты разговариваешь, - сказал он.

- Только под столами. На лужайке мне нельзя, меня там лошади засмеют. Можно?

Он подумал и подвинул дракона. Я села рядом. Голова упёрлась рогом в столешницу, и я почувствовала, как проволока начинает клониться.

Мы посидели. Я не спрашивала, что случилось. Этому я научилась не здесь и не сразу: взрослый всегда первым делом спрашивает, что случилось. А у человека под столом, как правило, нет ответа на этот вопрос. Если бы он был, человек сидел бы за столом.

- Папа сказал, что придёт, - сказал наконец Мирон Эдгарович.

- Угу.

- Он сказал в три. Сейчас уже три?

- Сейчас половина четвёртого.

- Он купил мне настоящий квадроцикл. Мне нельзя на нём ездить, у меня ноги не достают. - Он потрогал бабочку. - Мне не нравится пони. Он кусается. Я боюсь шариков, когда лопаются. А няня сказала, что день рождения бывает только раз в году и надо быть весёлым на фото.

Я сняла копыто, потому что в копыте нельзя делать одну вещь. Сунула руку за пазуху, под плюш, в карман на футболке, и вынула маленький красный поролоновый шарик с про-

резью. Надела его на палец и протянула мальчику в темноте.

- Подержи, - сказала я. - Это нос. Он волшебный, но очень глупый. Если на него нажать, он не делает вообще ничего.

Мальчик нажал. Нос не сделал вообще ничего. Что-то в лице у Мирона Эдгаровича слегка дрогнуло. Он нажал ещё раз.

Мы просидели там двенадцать минут. Мне за них никто не заплатил.

* * *

Эдгар прибыл без пятнадцати пять.

Его привёз чёрный вертолёт, и я говорю это без всякого преувеличения: лужайку снесло, шатёр поехал, пони лёг. Он шёл через траву большими шагами, в льняном пиджаке, загорелый, лет сорока пяти, и говорил в наушник. Рядом семенил кто-то с папкой. Мамы под зонтами зашевелились. Я стояла у торта, снова в полной амуниции, держа за руку маленького человека в смокинге, потому что отпускать мою руку он отказался, и я чувствовала через плюш, как у него затряслись пальцы.

- Папа, - сказал Мирон.

- О! - сказал Эдгар и поднял палец, потому что ему что-то сказали в ухо. - Нет, закрывайте по четыре двести. Да. - Он опустил взгляд. - Именинник! Ну, ты как, мужик? Сколько тебе там уже, семь?

Мальчик ничего не ответил. Он смотрел на отца снизу вверх с таким лицом, что у меня внутри единорога что-то

хрустнуло.

- Шесть, Эдгар, - сказала от зонтов женщина, не поднимая очков.

- Шесть! Красавец. Ну, зачётно у вас тут. - Он потрепал сына по голове, как треплют чужую собаку. Отступил на шаг, глянул на часы, потом на человека с папкой, потом на меня. - Так, давайте быстро фото для бабушки, я через десять минут улетаю. Сын, улыбнись. Ну? Что он у вас такой кислый? Эй, лошадь. Да, ты. Сделай его весёлым, ну сделай что-нибудь, я за что вам плачу?

Говорят, что перед смертью вся жизнь проходит перед глазами. Я могу сообщить, что перед увольнением происходит то же самое.

Я увидела восемь лет. Две тысячи праздников. Именинников под столами, на чердаках и в туалетах, с кислыми лицами и квадроциклами. Отцов, которые "вот-вот". Переводы вместо пап. Дом, который стоит сорок миллионов, и шестилетнего ребёнка, который ждёт, что ему исполнится шесть хотя бы на десять минут.

И ещё я увидела одну палатку у забора, про которую не думаю никогда. Но это к делу не относится.

Я отпустила руку мальчика. Подняла копыта, взялась за шею и потянула.

Голова снялась с мокрым чавкающим звуком. Майский воздух ударил в лицо, и это было прекраснее шампанского. Волосы вывалились во все стороны, карандаш упал. Трид-

цать детей на лужайке застыли, потому что единорог только что на их глазах снял себе голову, и кто-то из маленьких тихо заплакал. Мне до сих пор перед ним неудобно.

Я поставила голову на торт. Она вошла в футбольное поле с небольшим сопротивлением.

- Не лошадь, - сказала я. - Единорог. Премиальный ростовой персонаж. Девять тысяч в час, две мне. Эдгар, простите, не знаю вашего отчества. Вашему сыну шесть. Он боится лопающихся шариков, его кусает ваш пони, а на квадроцикле у него не достают ноги. Он два часа просидел под столом в смокинге и ждал вас. Вы опоздали на час сорок пять. За это время он успел спросить, сколько сейчас времени, примерно столько раз, сколько вы посмотрели на свои часы за последнюю минуту. Весёлым его сделать нельзя. Вы за это не платите. Это вообще не продаётся, представляете? Я бы вам уступила по знакомству, но у меня нет. Это есть только у вас. Это называется "сесть рядом". Занимает десять минут, вертолёт может подождать.

Стало так тихо, что было слышно, как шоколад течёт в фонтане.

Эдгар посмотрел на меня. У него были очень светлые глаза и лицо человека, который давно не слышал слова "нет". Он не рассердился. Это было хуже всего: он слегка удивился, как удивился бы, если бы заговорила кофемашина. Потом посмотрел на человека с папкой.

- Кто это? - спросил он. - Уберите.

Я почувствовала, как кто-то тянет меня за хвост. Я обернулась. Мирон Эдгарович смотрел на меня. Глаза у него стали совсем круглые. Он разжал кулак. На ладошке лежал красный поролоновый нос.

- Оставь себе, - сказала я тихо. - Если будет совсем плохо, нажми. Он ничего не сделает. Но ты будешь знать.

И вынула из торта свою голову, потому что она числилась за мной по описи.

* * *

- Третий раз, - сказала Жанна в трубку. - Соня. Третий раз! Ты понимаешь, кто это? Это Эдгар Нерсесян! Он только что звонил нашему учредителю. Ты испортила торт за триста сорок тысяч. Ты напугала детей. Ты, я цитирую, оскорбила заказчика в присутствии гостей.

- Я назвала его Эдгаром, - сказала я. - Это его имя.

Я сидела в электричке на Мытищи с единорогом в большой клетчатой сумке, и рог торчал наружу. Бабушка напротив смотрела на него с большим подозрением.

- Ты уволена. И я тебя предупреждаю как человек, потому что ты мне нравишься: я разослала по всем. Такое правило, ассоциация. Тебя теперь никто не возьмёт ни в одно агентство до Нового года. И шесть тысяч за смену тебе не будет, вычтем за торт. И костюм верни.

- Жанна, вы мне должны за апрель ещё восемнадцать, - сказала я.

- Вычтем за торт.

- Тогда костюм оставлю в залог, - сказала я и нажала отбой.

Я посмотрела на рог. Рог посмотрел на меня.

- Ну что, - сказала я ему. - Вот мы и свободные люди.

Бабушка пересела.

* * *

По четвергам я не единорог.

В четверг в девять утра я прихожу на шестой этаж детской больницы на Ленинском, в служебную раздевалку за сестринской, надеваю застиранный белый халат с огромной кривой пуговицей, разные носки (сегодня один в полоску, другой с пингвинами, всегда разные, это важно), рисую на щеке веснушку, которой у меня нет, и надеваю нос. Настоящий. Старый, с трещинкой, его мне подарили пять лет назад. И становлюсь Доктором Ой.

- У вас пуговица криво, коллега, - сказал Борис Яковлевич, разглядывая меня через стетоскоп, который он приставил к глазу.

- Спасибо, коллега, у вас голова криво.

- Это не голова, это опыт.

Борису Яковлевичу семьдесят два года. Сорок лет он проработал на манеже Цирка на Цветном, потом на манеже случился инсульт, а потом он пришёл в эту больницу и попросил разрешения заглянуть в одну палату на пять минут, и заглядывает уже девятнадцатый год. Он маленький, лысый, с левой рукой, которая слушается через раз, и он лучший кло-

ун из всех, кого я видела. На спине халата у него написано "Доктор Ах". На спине моего - "Доктор Ой". Фонд наш называется так же, а денег в нём столько, что нам хватает на носы и на то, чтобы платить мне семь тысяч в месяц, которые я стесняюсь брать.

Он научил меня всему. Когда я пришла сюда в двадцать два, смешная, громкая, с третьего курса эстрадного факультета, я влетела в первую палату с криком "Здравствуйте, дети!" Он за шиворот вывел меня в коридор и сказал своим тихим голосом:

- Девочка, послушай. Этому ребёнку сегодня воткнули в руку иглу. Ему не сказали "можно?". Его не спросили, хочет ли он есть, спать, лежать, быть лысым, болеть. Двадцать человек в день заходят к нему без стука и что-то с ним делают. Единственное, что у него осталось в целом мире, - это ты. Потому что тебе он может сказать "нет". Значит, ты стучишь. Даже если дверь открыта. Ты спрашиваешь: "Можно войти?" И если он скажет "нет", ты уйдёшь с такой радостью, будто это лучшее, что с тобой случилось. Поняла?

Я поняла. Потом было ещё пять правил, и последнее из них он сообщил мне только через год, зато оно оказалось главным.

В палате номер девять, у окна, в обнимку с капельницей сидел Илюша.

Илюше семь. Он лысый, как коленка, с огромными чёрными глазами, ушами-локаторами и самым отвратительным

чувством юмора на этаже. Мы знакомы два года. За это время он дважды уезжал домой, дважды возвращался, и у него в тумбочке лежит полный список всех моих проигрышей. Я постучала по открытой двери. Просунула в щель только нос.

- Можно войти?

Он посмотрел на меня с глубоким наслаждением. Выдержал паузу. Он это умеет, у него великолепный тайминг, мне бы такой.

- Нет, - сказал Илюша.

- Нет! - завопила я в полном восторге и подпрыгнула. - Коллега, вы слышали? Мне сказали "нет"! Первое "нет" за неделю! Какое прекрасное! Какое крепкое! Доктор Ах, запишите!

Я станцевала в коридоре короткий победный танец, поскользнулась на собственной ноге, села на пол и уехала за угол. Из палаты донёсся хриплый смешок, похожий на кашель маленького бульдога.

Я подождала. Борис Яковлевич разглядывал потолок в стетоскоп.

- Ладно, - сказал голос из палаты. - Заходи. Только быстро, я занят.

Он был занят. Он играл со мной в камень-ножницы-бумагу на щелбаны, и я проиграла одиннадцать раз подряд. Когда я выбирала бумагу, у него оказывались ножницы, а когда я выбирала ножницы, у меня немедленно отказывала рука. В этом вся наука. Клоун всегда проигрывает. Больше никто в

этом здании Илюше не проигрывает: ни анализы, ни врачи, ни эта штука в его крови, которая называется длинным словом. Я проигрываю ему изо всех сил, каждый четверг, и он записывает. Счёт на сегодня был 1412:0.

- Ты неудачница, Ой, - сказал он с нежностью, когда я, вся в щелбанах, ползла к двери. Голос у него был слабее, чем неделю назад. Под глазами появилась синева, которой я раньше не видела. - Придёшь в четверг?

Правило четвёртое. Не обещай того, что от тебя не зависит. Обещай только следующую шутку.

- В четверг я приду проигрывать тебе в шашки, - сказала я. - Я как раз разучилась.

Он хмыкнул и закрыл глаза.

Я вышла в коридор. Сделала ещё два смешных шага, на случай если кто-то смотрит. Дошла до лифта, служебного, большого, того, на котором возят каталки. Двери закрылись. Лифт поехал вниз. Я сняла нос, прислонилась лбом к холодной стенке и дала себе ровно шесть этажей.

Правило шестое. Плачь в лифте.

На первом этаже двери открылись. У меня было сухое лицо, и я шла за шваброй, потому что Гуля обещала мне чай.

* * *

В пятницу я обзвонила все агентства, какие знала. Ни одно не взяло трубку дважды.

В Мытищах мы с мамой снимаем комнату с балконом на улице Лётной. Вечером мама сидела за столом, в очках, под

настольной лампой. Перед ней лежала амбарная книга, в которую она вписывает всё, вплоть до батона, тридцать лет главбуха из неё никуда не делись. Рядом лежал белый конверт с окошечком.

Моя мама не плачет. У нас это семейное. Она только аккуратно положила конверт так, чтобы край совпал с краем стола.

- Поешь, - сказала она. - Там гречка.

- Мам. Что там?

- Поешь сначала.

Я взяла конверт. Я их уже видела, таких конвертов, я могла бы читать их с закрытыми глазами. "Уважаемая Галина Петровна. В связи с неисполнением обязательств по кредитному договору". Только в этот раз в конце стояли другие слова. Банк продал долг. Новые хозяева ждать не собирались. Тридцать календарных дней. Обращение взыскания на всё имущество и доходы должника, заработную плату, пенсию. Запрет на выезд. Меры воздействия. Внизу, жирным, стояла итоговая цифра, с пенями и штрафами, и маминой рукой на полях стояла та же самая цифра, только аккуратнее, проверенная и сошедшаяся до копейки.

Четыре миллиона восемьсот семьдесят тысяч рублей.

Это стоимость квартиры на девятом этаже, с лоджией на юг. Мама с папой продали нашу двушку, добавили всё, что отложили за тридцать лет работы, и взяли ипотеку на остаток. Папа тридцать лет водил автобус и хотел лоджию, что-

бы выращивать на ней помидоры. Он нарисовал ящики для рассады. Квартиры нет. Я имею в виду, её физически нет. Вместо неё в Мытищах из земли торчит бетонный скелет с пустыми глазницами, который можно посмотреть на картах. Дом не построили, а долг построили. Ничего, что я шучу? Это у меня нервное.

Папы тоже нет.

- Я завтра схожу в юридическую консультацию, - сказала мама, глядя в книгу. - В "Пятёрочке" обещали ставку на выходные.

Ей пятьдесят восемь лет. Она сидит на кассе. Вечером у неё болят запястья.

Я положила конверт. Мой счёт на этот вечер составлял двести двенадцать рублей, единорог в сумке и волчий билет во всех детских агентствах Москвы. Я поцеловала её в седую макушку, положила себе гречки и вышла на балкон. Шёл мелкий тёплый дождь. Внизу кто-то выбивал ковёр.

Телефон пиликнул.

"Спишь? - написала Гуля. - Есть левак. Срочно. Не агентство, частный заказ, мне сестра-хозяйка из частной клиники слила, они там уже всех обзвонили, никто не хочет. Завтра, суббота, день рождения, девочке 4 года. Москва-Сити, 58 этаж (!!!). Два часа. 20 тысяч (!!!!!!)"

Я прочитала цифру два раза. Двадцать тысяч за два часа. Что-то тут было не так. Такие деньги платят только за очень плохие вещи.

"В чём подвох?" - написала я.

Три точки. Гуля печатала с наслаждением, я видела это по паузам.

"Заказчик какой-то Ледовский. Финансовый туз. Детей у него не было, и вдруг сразу трое, говорят, чужие. За неделю сбежало СЕМЬ НЯНЬ. Семь!! Агентства занесли его в чёрный список, он теперь как ты. Последняя ушла в одном ботинке. Говорят, старшая на неё досье собрала, средний молчит как в фильме ужасов, а младшая кусается до крови".

Я постояла с телефоном. Посмотрела на мокрый ковёр внизу. На свет в мамином окне.

Я никогда не слышала ни про какого Ледовского. Ещё один богатый. Ещё один папа с вертолётом, который хочет, чтобы к трём часам кто-то сделал ему весёлых детей. Я знала этот сорт людей как таблицу умножения, я таких ненавижу. Я бы с удовольствием надела им на голову четырёхъярусный торт.

Но у меня был единорог, и девать его было некуда, и на нём висели тридцать дней.

"За 20 тысяч, - написала я, - я и без ботинок уйду".

И пошла искать второй носок. Какой угодно. Лишь бы не парный.

Глава 3. Семь нянь

Олег

Пункт 9.1: "К обстоятельствам непреодолимой силы Стороны относят: пожар, наводнение, Наташу".

За свою карьеру я реструктурировал долг на сорок миллиардов рублей, пережил две налоговые проверки, один дефолт контрагента и обед с министром, который рассказывал про свой сад. Поэтому двадцать второго мая, в пятницу, я был совершенно спокоен. Я составил план.

План занимал одну страницу. Пункт первый: привезти детей в Москву. Пункт второй: нанять лучших нянь в городе. Пункт третий: поручить кадровой службе найти приличную семью в Костромской области, с домом, собакой и высшим педагогическим. Пункт четвёртый: открыть счета. Срок исполнения: две недели. Зоя Павловна подписала мне акт о предварительной опеке на месяц, посмотрела на мой план, который я неосторожно оставил на столе, и ничего не сказала. Просто налила себе из термоса.

Мне следовало насторожиться.

Гриша пригнал из Москвы чёрный минивэн. Варя вынесла из приюта две вещи: школьный рюкзак и коробку из-под обуви, перемотанную скотчем. Коробку она никому не дала и всю дорогу держала на коленях. Тимофей забрался на заднее сиденье и пристегнулся сам. Шнурок он так и не вставил

обратно в ботинок. Наталья Андреевна Рябинина потребовала сесть впереди, получила отказ и, пока Гриша, два метра в холке, бывший десантник, застёгивал на ней детское кресло, деловито укусила его за запястье.

Гриша посмотрел на запястье. Посмотрел на меня.

- Олег Викторович, - сказал он. - Мне за это доплачивают?

Под Ярославлем Наталью Андреевну вырвало на кожаную обивку. Под Переславлем она спросила у Гриши, когда он умрёт. Он ответил, что по контракту у него есть страховка. За всю дорогу Тимофей не издал ни звука, Варя не подняла глаз от учебника, а мы ехали в этом молчании пять с половиной часов, и я впервые в жизни не знал, какую шутку сказать. У меня были варианты. Я их перебирал, как варианты рефинансирования.

В шесть вечера лифт поднял нас на пятьдесят восьмой этаж.

Я люблю свою квартиру. Я купил её за то, что в ней ничего нет. Двести сорок метров белого камня и стекла, панорамные окна от пола до потолка, белый диван длиной с небольшой автобус, винный шкаф (для гостей), холодильник, в котором живут горчица и шампанское, и вид на всю Москву сразу. Человеку, который целый день общается с цифрами, приятно приходить домой туда, где нет вещей, которые тебя о чём-то спрашивают. Единственный, кто здесь жил кроме меня, был Аудит.

Он вышел в прихожую, стуча когтями. Старая такса, де-

вять лет, седая морда, живот скребёт по полу. Я назвал его так, потому что он находит всё. Аудит посмотрел на нас с выражением налогового инспектора. Потом пересёк прихожую, обнюхал рюкзак, коробку, тельняшку и остановился у ног Тимофея. Постоял. Вздохнул и лёг ему на ботинок без шнурка.

Он не ложился так ни на кого девять лет. Даже на меня.

Мальчик посмотрел вниз. Я заметил, как его рука дёрнулась опуститься и замерла.

- Где земля? - громко спросила Наталья Андреевна.

Она стояла посреди гостиной, в заблёванной тельняшке, прижимая к себе брезентовую рыбу, и смотрела в окно. Там, далеко внизу, в золотой дымке, текли машины, а над ними висело вечернее солнце и больше ничего.

- Внизу, - сказал я. - Двести метров.

Она подошла к стеклу, упёрлась в него лбом и посмотрела вниз, прямо под ноги, туда, где стекло заканчивалось и начинался обрыв. Я почувствовал, что у меня на спине выступил пот. Я никогда раньше не замечал, что у меня окна от пола.

- Земли нет, - сообщила она рыбе. - Тут все умерли.

Варя поставила коробку на пол. Прошла по квартире, заглянула в кухню, открыла холодильник. Постояла. Закрыла. Вернулась. Сняла очки, протёрла, надела.

- Сколько здесь стоит квадратный метр? - спросила она.

- Около миллиона двухсот, - сказал я. Я отвечаю на финансовые вопросы рефлекторно, как собака Павлова.

- То есть вы живёте в двухстах восьмидесяти восьми миллионах, - сказала моя крестница, не пользуясь калькулятором. - И у вас нет еды.

Я открыл рот, закрыл, посмотрел на город. На нём в этот момент не было никаких подсказок.

* * *

Паша приехал через час с тремя парнями и прибором, похожим на лазерную рулетку. Он ничего не сказал, когда увидел детей. Он посмотрел на каждого по очереди, кивнул, как кивают равному, и прошёл по квартире, держа в руке планшет. Наталья Андреевна укусила его за палец. Он посмотрел на неё. Она посмотрела на него. Он не изменился в лице и не отнял руку, и через некоторое время она разжала зубы и с уважением отодвинулась.

- Сорок семь угроз, - сказал мне брат через двадцать минут. - Двенадцать критических. Балкон, раздвижные окна, кухонная индукция, винный шкаф, стеклянный стол, лестница на второй уровень без перил со стороны атриума. Камень на полу. Острые углы везде. У тебя вся квартира - один острый угол. - Он подумал. - Диван убрать?

- Диван за три миллиона.

- На него вырвет, - сказал Паша без выражения. - Я видел протоколы.

К полуночи они заклеили углы мягкими накладками, поставили на окна блокираторы, срезали электронный замок с балкона и установили новый, а на лестницу смонтировали

сетку. Моя квартира стала похожа на палату для буйных в очень дорогой клинике. Я стоял посреди неё с бутылкой воды и понимал, что мне только что провели враждебное поглощение, причём я заплатил за него сам.

Сергею я рассказал за четыре дня до этого, в понедельник после свадьбы. Я заехал к ним в дом над заливом и изложил факты тоном квартального отчёта. Трое. Андрей. Опека, предварительно, на месяц. Брат выслушал стоя, с чашкой в руке. Он не перебил меня ни разу. Потом поставил чашку. Посмотрел на Олю. Оля посмотрела на него. И мой старший брат, по прозвищу Ледник, человек, у которого на совете директоров не находили пульса, сел на ступеньку и начал смеяться. Он смеялся четыре минуты. Я засёк. У него текли слёзы. Он хватал ртом воздух и показывал на меня пальцем, а его беременная жена гладила его по спине и говорила: "Серёжа, ну как тебе не стыдно", и сама не могла закончить фразу.

- Ты, - выговорил он наконец. - Ты! "Я воспитал трёх крестников и одну собаку"!

- Я рад, что вернул в твою жизнь радость, - сказал я.

Он вытер глаза. Встал. И лицо у него вдруг стало совсем другим, такое бывает у него теперь, я всё никак не привыкну. Он подошёл и положил мне руку на затылок.

- Андрей, - сказал он. - Это тот, с Волги?

Я не знал, что он знает. Я думал, что не знает никто.

- Что нужно? - спросил Сергей.

- Ничего. Две недели. Я решу вопрос.

Он посмотрел на меня долгим взглядом и молча вынес из кабинета книгу. "Психология ребёнка от трёх до семи лет". На обложке были следы мокрого песка.

- Там нет ни одного практического указания, - сказал брат. - Но она тяжёлая. Помогает.

* * *

Теперь о нянях. Я изложу это в форме таблицы, так как иначе мне всё ещё трудно об этом говорить.

Няня № 1. Анжела Витальевна, педагог высшей категории, рекомендации от двух послов. Вступила в должность в субботу в девять утра. Выбыла в шесть вечера. Причина: Наталья Андреевна, сквозь капрон, в икру. Итого девять часов. Компенсация за травму - сорок тысяч.

Няня № 2. Мисс Хэмптон, британская няня с дипломом колледжа в Бате, триста евро в день. Держалась с достоинством. В понедельник за завтраком Варя положила рядом с её чашкой распечатку из реестра выпускников этого колледжа и вежливо спросила, в каком году мисс Хэмптон училась там под фамилией Ходюк. Выбыла к полудню.

Няня № 3. Тётя Рая из Ступина, добрая женщина с пирогами. Я очень на неё надеялся. Пироги съел Гриша. Тётя Рая пыталась обнять Тимофея и называла его "сиротинушка". Варя вышла из комнаты, вернулась и сказала ей что-то на ухо, совсем коротко. Я так и не узнал, что именно. Тётя Рая молча надела плащ.

Няня № 4. Детский психолог с мировым именем, Инга. Предложила поговорить о чувствах. Варя согласилась и попросила начать с её, Инги, развода, подробности которого изложила на двух страницах со ссылками на открытые источники.

Няня № 5. Мужчина. Да, я дошёл и до этого. Андрей Геннадьевич, бывший инструктор спецназа, теперь "мэнни для сложных детей". Я думал, что нашёл решение. В три часа ночи он проснулся оттого, что в темноте рядом с его кроватью кто-то дышал. Наталья Андреевна стояла над ним в тельняшке, с рыбой, и смотрела на него в упор, не мигая. "А ты когда умрёшь?" - спросила она. Утром Андрей Геннадьевич положил на стол ключи и сказал, что в Грозном такого не видел.

Няня № 6. Девушка с миллионом подписчиков. Сняла Тимофея со спины у окна, наложила грустную музыку и подпись "Мой маленький молчун". Через два часа её страницу заблокировали за нарушение правил площадки, а Варя сидела за кухонным столом и ела бутерброд с совершенно безмятежным лицом. Я спросил, знает ли она что-нибудь об этом. Она ответила, что я бы удивился, сколько всего можно сделать с одной жалобой, если правильно указать статью.

Я, кстати, удивился. Я потом заглянул в формулировку. Я взял бы её на работу в юридический департамент.

Няня № 7. Вера Анатольевна из самого дорогого агентства, женщина из гранита, тридцать лет в семьях дипломa-

тов. Она продержалась полтора дня и сломала всех. Она поставила Наталье Андреевне на вид. Она велела Варе заниматься уроками. Она заявила Тимофею, что логопед приедет завтра и мы будем учиться разговаривать как все нормальные дети, хватит кривляться. Тимофей посмотрел на неё своими серыми глазами и ничего не ответил. В пятницу вечером я вернулся домой и застал Веру Анатольевну в прихожей. Она стояла на одной ноге. Левый её ботинок, крепкий немецкий ботинок на шнуровке, был привязан к батарее тонким капроновым шнуром. Узел был размером с лесной орех и выглядел как произведение искусства. Над ним двадцать минут трудились она сама, консьерж и Гриша с ножом. Нож не брал. Шнур оказался от моих жалюзи.

Вера Анатольевна вышла из квартиры в одном ботинке, с прямой спиной. В лифте она позвонила в агентство. К десяти вечера ни одно агентство в Москве не брало моих звонков.

Итого: семь нянь за восемь дней. Прямые расходы - девятьсот двадцать тысяч рублей, плюс компенсации, плюс химчистка дивана, потому что Паша, как всегда, оказался прав.

А ещё было утро вторника.

В то утро я открыл гардеробную, чтобы взять галстук. У меня шестьдесят два галстука. Они висели на вешалке, как обычно. Только они были связаны. Все шестьдесят два, конец к концу, в одну длинную цветную верёвку, которая уходила с вешалки вниз, петляла вдоль полок и заканчивалась

в ботинке. Я стоял в трусах и смотрел. Узлы были разные. На каждом стыке другой: плоский, прямой, двойной, с какой-то петлёй, с восьмёркой. Это было очень красиво. Это было сделано ночью, в темноте, пока я спал в трёх метрах за стеной, и выполнено с той ровной, спокойной, безупречной точностью, с какой я сдаю годовую отчётность.

Я хотел рассердиться. Я взял первый узел, чтобы развязать. Он не развязывался. Мне понадобилось шесть минут и вилка. Я шёл на совещание по облигациям в галстуке с заломом, и Людмила Аркадьевна, мой новый секретарь, посмотрела на него и спросила:

- Это у вас новое или вас пытались задушить?

Людмиле Аркадьевне шестьдесят три года. Я взял её после того, как моя прошлая секретарша оказалась шпионкой. Она не боится никого, включая меня.

- Я не знаю, - ответил я.

Я и правда не знал. Вечером я встал в дверях комнаты, которую мы отвели мальчику. Он сидел на полу. Перед ним лежал шнур от жалюзи, на коленях у него спал Аудит. Он посмотрел на меня. Я посмотрел на него. Я, наверное, должен был что-то сказать про имущество. Вместо этого я снял галстук, вошёл, положил его на пол рядом с ним и вышел.

Утром галстук висел на ручке моей двери. На нём был один аккуратный маленький узел посередине. Я не знаю, что он значил. Я в нём и пошёл.

* * *

- Вы платите за присмотр сто пятнадцать тысяч в день, - сказала Варя.

Было девять вечера той самой пятницы, Вера Анатольевна только что отбыла в одном ботинке. Я сидел на кухне. В моей кухне теперь пахло луком. Варя в первый же день сходила в магазин с моей карточкой, которую ей никто не давал, и с тех пор на индукционной панели за миллион, которой я ни разу не пользовался, что-то всё время варилось в единственной кастрюле, тоже ею купленной. Она поставила передо мной тарелку с картошкой и села напротив. Рядом с собой положила тетрадь в клетку.

- Сто пятнадцать тысяч в день за то, что я делала три года бесплатно, - продолжила она. - Я подготовила выписку. Вот здесь вы переплатили за продукты с доставкой. Вот здесь вы заплатили за ковёр, который никому не нужен. Мне не нужна няня. Тиму няня не нужна. Наташу я могу вести сама, она меня слушает. Вы могли бы просто не приходить домой, как раньше. Мы бы вам не мешали.

- Тебе тринадцать лет, - сказал я.

- Я в курсе.

- Тебе положено… - Я посмотрел в книгу про психологию, которая лежала у меня на столе. Она заканчивалась на семи годах. - Не знаю. Что вам положено в тринадцать лет? Переживать из-за прыщей?

Она посмотрела на меня через очки, как смотрят на ошибку в третьем знаке после запятой.

- У вас в компьютере есть файл, - сказала она. - "Кострома_семьи_критерии.xlsx". Вы не поставили пароль. Шестнадцать строк: возраст, жильё, педагогическое образование, вес от нуля до десяти. Сегодня там добавились две новые семьи. Можете не прятать, я не обижаюсь. Я просто хотела спросить: мы туда поедем вместе или вы нас тоже раздельно считаете? Потому что в столбце "готовы взять троих" у вас пусто.

Она сказала это тем же ровным голосом. Я впервые заметил, что на тетрадке у неё очень сильно сжаты пальцы, так что побелели костяшки.

Картошка была жареная, с луком, чуть подгорелая с одного края. Точно такую я ел в то лето за столом с клеёнкой.

- Ешьте, - сказала Варя и встала. - Завтра тридцатое. Вы не знаете, что завтра, у вас не в календаре. Завтра Наташе четыре года. Папа делал ей торт из блинов с вареньем. Я сделаю сама. Вам не надо ничего делать.

Она вышла. Я остался с тарелкой.

Я съел всё. Потом надел очки, открыл ноутбук. Файл действительно был там. В столбце "готовы взять троих" действительно было пусто.

Значит, завтра день рождения. Это я, по крайней мере, умел. Если я что-то умею на этом свете, то это закрывать вопросы. Я воспитал трёх крестников! Я знал, как это делается: нужен подарок, торт и кто-то, кто сделает детям весело на два часа.

Я позвонил Людмиле Аркадьевне в десять вечера. Она взяла трубку на втором гудке и сообщила, что все агентства Москвы занесли меня в реестр вместе с адресом. Потом сказала, что сестра-хозяйка в одной клинике знает какую-то медсестру, и предложила мне удвоить ставку.

Потом я поехал в "Детский мир", работавший до одиннадцати, и провёл там сорок минут. В багажник влезли кукольный дом выше меня ростом, электромобиль с настоящим двигателем и плюшевый слон за сто двадцать тысяч. На кассе меня спросили, какой у меня бюджет. Я позвонил брату.

- Сними с кредитки руку, - сказал Сергей.

Я слышал, что он улыбается. Он ждал этого звонка две недели. Он, наверное, отрепетировал.

- Положи всё обратно, Олег. Послушай меня. Я воспитал одного сына. Если ты притащишь на день рождения слона больше самого ребёнка, ты будешь не… ну, кто ты там. Ты будешь Дед Мороз. Что у тебя есть такого, чего нет в магазине?

Я стоял на парковке у открытого багажника. Майская ночь пахла липами. Я хотел ответить что-нибудь смешное.

Я подумал, долго и честно, как думаю над балансом.

- Ничего, - сказал я.

На том конце помолчали.

- Вот об этом и поговорим, - сказал брат тихо. - Спокойной ночи.

Слона я всё-таки купил. И дом. И электромобиль.

Ночью я проснулся от того, что на меня смотрят. Третий час. Город горел внизу, как перевёрнутое небо. Рядом с кроватью, на уровне моего лица, в темноте белела круглая голова.

Сердце стукнуло и встало. Я понял инструктора спецназа.

- Сазан хочет пить, - сказала Наталья Андреевна.

Я сел. Я ещё не проснулся, и поэтому не стал спорить. Я прошёл на кухню, она протопала за мной. Налил воды в салатник, единственную подходящую ёмкость. Она подумала, взобралась на табуретку и торжественно опустила рыбу в воду. Брезент потемнел. Мы постояли и посмотрели, как рыба лежит на дне.

- Папа её сшил, - сказала она. - Папа на воде.

Я держался за край стола. Стекло было холодное.

- Да, - сказал я.

- Он умер, - сообщила она, не поворачивая головы. - Варя сказала. Он там лежит, в земле, а сам на воде. Когда я буду четыре, он придёт?

Несколько часов назад я стоял на парковке и был уверен, что у меня нет ничего, чего нет в магазине.

- Нет, - сказал я. - Не придёт, Наталья. Он бы очень хотел. Но нет.

Она кивнула. Как будто это был нормальный деловой ответ. Вынула из салатника мокрую рыбу, прижала её к животу, и тельняшка немедленно промокла. Сползла с табуретки,

подошла и взяла меня за палец. За тот самый, с заживающим укусом.

- Викторыч, - сказала она. - Пойдём спать. Я боюсь, тут нет земли.

Откуда она это взяла, я понятия не имею. Вероятно, у Гриши. Я лежал на спине на самом краю кровати шириной два метра, не смея пошевелиться, а рядом со мной, закинув на меня горячую ногу, спало существо в мокрой тельняшке и сопело. Рыба капала мне на грудь. Было четыре часа ночи. Я, наверное, должен был что-то чувствовать. Но я просто лежал и считал капли.

* * *

Варин торт из блинов стоял посреди стола, кривой и очень высокий. Вокруг него, на стекле, блестели следы варенья. Было два часа дня. Кукольный дом занимал половину гостиной. Слон стоял у окна и смотрел на Москву. Дети сидели по разным углам: Варя с книгой, Тимофей на полу с верёвкой и таксой, а Наталья Андреевна, узнав от меня, что сегодня ей четыре, но ничего не изменилось, ушла под стол вместе с Сазаном и не выходила оттуда уже час.

Мне было тридцать три года, и я был финансовым директором. Я стоял посреди собственной гостиной с бумажным колпаком в руке, не зная, куда его надеть.

В дверь позвонили. Потом постучали. Это показалось мне странным: дверь я оставил открытой для курьера, я мог видеть её из гостиной. На пороге, в проёме, загораживая собой

весь свет из лифтового холла, кто-то стоял.

Это был единорог. Рост примерно мне по грудь. Серо-белый плюш, потрёпанная грива, рог, скособоченный вправо, как у животного, которое повидало жизнь. Он стоял на задних ногах, и я заметил, что из-под плюшевых штанин у него выглядывают два носка. Один был в полоску. Другой с пингвинами.

Единорог поднял копыто и постучал по открытой двери. Два раза.

- Можно войти? - спросила дырка у него в шее очень усталым женским голосом.

Отчёт № 2.

Получатель: Рябинин А. С.

Период: с 18 по 30 мая.

Расходы: 1 340 000 рублей. Няни - 7. Укусы - 11. Галстуки - 62. Слон - 1.

Доходы: картошка с луком.

Вывод: две недели истекают. Семьи найдено ноль. Твоя старшая дочь нашла мой файл. Твоя младшая спит у меня на голове. Твой сын завязывает мне какие-то узлы, и я не понимаю, что это значит. Ты всё это умел. Как?

Статус: доставлено. Одна галочка.

Глава 4. Можно войти?

Соня

Пункт 5.6: "Перед тем как войти в детскую, Стороны стучат. Даже если дверь открыта. Особенно если дверь открыта".

Лифт в этой башне поднимается на пятьдесят восьмой этаж за сорок две секунды. У меня заложило уши, а рог зацепился за потолочную панель. Охранник внизу, увидев меня, спросил, к кому я, и когда я сказала "к Ледовскому", посмотрел на единорога с таким глубоким человеческим сочувствием, что мне стало не по себе.

Я постучала. Дверь была открыта, но это ничего не меняет.

- Можно войти?

В проёме стоял мужчина. Сквозь дырку в шее я увидела сначала его тапочки. То есть это были не тапочки: он был в носках, тёмно-синих, парных, очень приличных, и на одном носке прилипла вареньем какая-то крошка. Потом джинсы. Потом белая рубашка с закатанными рукавами. Потом в руке у него обнаружился бумажный праздничный колпак, который он держал, как держат чужую шляпу на поминках.

Я запрокинула голову, насколько позволял рог. Лицо у него было длинное, умное и какое-то помятое, будто оно всю ночь считало. Русые волосы торчали. На большом пальце

правой руки был пластырь. Глаза серо-зелёные, красноватые по краям, и они смотрели на меня с очень странным выражением. Я потом долго думала, как его назвать. Так смотрят на счёт в ресторане, в котором всё-таки есть ошибка, но уже всё равно.

- Единорог, - сказал он.

- Премиальный ростовой, - сказала я.

- Вы меня извините. Я должен уточнить. Вы случайно не на меня работаете?

- На Людмилу Аркадьевну, - сказала я. - Двадцать тысяч за два часа. Она сказала, что вы всё поймёте.

- Тогда входите, - сказал он и посторонился. - Вы вовремя. Дети там. Именинницу зовут Наталья Андреевна, ей четыре, есть особенности. Нужно, чтобы было весело. Если получится, сделайте несколько фото, это для отчётности перед опекой. Я буду вон там, у меня через сорок минут созвон с Цюрихом.

Вот, подумала я с каким-то даже облегчением. Вот он, родной. Эдгар номер два. "Нужно, чтобы было весело". Я перехватила сумку с колонкой и шагнула внутрь.

Я бывала в разных домах. Я скакала на лужайках, где трава была дороже моего образования, и в особняках, где унитазы стоили как автобус. Но такого я ещё не видела. Передо мной лежал огромный белый зал, залитый светом, и вместо одной стены в нём была Москва, вся, до горизонта. Было очень чисто и очень пусто, как в аэропорту после эвакуации.

На всех углах белели мягкие накладки, на лестнице висела сетка. Посреди зала стоял кукольный дом ростом с баскетболиста, рядом красный электромобиль с ценником, а у окна, спиной к нам, стоял плюшевый слон и смотрел вниз. У него был такой вид, будто он думает, не шагнуть ли. Это был самый одинокий слон, которого я встречала.

Пахло подгоревшими блинами.

За восемь лет я научилась считывать детский праздник за пять секунд, как сапёр. Здесь я насчитала трёх детей и ни одного шарика.

На лестнице, за сеткой, поджав длинные ноги, сидела девочка в чёрной водолазке. Тёмная коса, очки, книга. Она подняла на меня глаза, медленно оглядела от рога до копыт, и я почувствовала, что мне сейчас поставят оценку и что я заранее не согласна. Подростков на такие праздники не загоняют. Значит, она здесь не гость. На полу у дальнего окна сидел мальчик, совсем маленький, светлая голова, большие уши. У него на коленях спала старая седая такса. Он что-то делал руками с куском верёвки, и он даже не посмотрел на меня. Я работаю с детьми восемь лет. Это было не то "не посмотрел", которое бывает у обиженных. Это было так, как если бы в комнате не было вообще никого, кроме него и верёвки. У меня по спине под плюшем прошла холодная волна. Я видела этот взгляд на шестом этаже.

На столе стоял высокий кривой торт из блинов. Четыре незажжённых свечки. Именинницы не было.

Ну конечно, не было.

Я поставила сумку. Не стала включать колонку. Пересекла зал, стуча копытами по камню, и никто не сказал мне ни слова. Опустилась на колени у стола. Скатерти тут не было, стол был из толстого стекла, и всё, что происходило под ним, было видно, как в аквариуме.

Под столом, на полу, сидела маленькая круглая девочка с белыми волосами дыбом. На ней была мужская тельняшка, подвязанная бечёвкой. Вместо бантов, вместо платья с рюшами, которое я в этих домах видела две тысячи раз. Тельняшка была заштопана на локте большими мужскими стежками и очень хорошо постирана. Девочка держала на коленях рыбу из брезента и смотрела на меня сквозь стекло, неподвижно и без малейшего удивления.

У меня что-то случилось с дыханием.

Я подняла копыто и постучала по ножке стола. Два раза.

- Можно войти?

Она посмотрела на копыто. На рог. Подумала. Голубые глаза у неё были совершенно спокойные.

- Нет, - сказала девочка.

Клянусь, я чуть не заплакала от радости.

- НЕТ! - заорала я через дырку на весь этот аэропорт и вскинула передние ноги. - Вы слышали?! Мне сказали "нет"! Какое отличное "нет"! Первый сорт! Я его забираю!

Я вскочила, сделала победный круг вокруг стола, цокая и взбрыкивая, споткнулась о собственный хвост, замахала ко-

пытами и со всего размаха рухнула на спину на белый камень.

Удар был такой, что у меня лязгнули зубы. Голова весом четыре килограмма слетела с плеч, покатилась по полу, описала широкую дугу и остановилась у ног мальчика, уставившись на него стеклянным глазом.

Настала тишина.

Я лежала на полу в плюшевом теле, с красным мокрым лицом и волосами во все стороны, и смотрела в потолок. Потолок был очень далеко. Мужчина с колпаком застыл на полпути к своему Цюриху. Девочка на лестнице закрыла книгу. Я услышала шлёпанье. Из-под стола показался белый хохолок, потом щёки. Круглое лицо нависло надо мной и внимательно изучило.

- У тебя голова отвалилась, - сказала девочка.

- Да, - сказала я. - Ужас какой. Бывает. Ты не видела, куда она пошла?

- Вон. - Она показала рыбой. - А это чья голова?

- Эта? - Я потрогала себя за щёку. - Запасная. Сейчас посмотрю. Ну да, запасная, старая уже. Не очень удачная.

Она присела на корточки, взяла меня за нос двумя пальцами, тёплыми и липкими от варенья, и подёргала, проверяя крепление. Я разрешила. Потом она наклонилась ещё ближе. От неё пахло блинами и мокрым брезентом.

- Ты умерла? - спросила она с интересом.

- Немножко.

- А когда совсем умрёшь?

Я услышала, как у меня за головой кто-то резко втянул воздух. Мужчина. Он как будто хотел что-то сказать, но передумал.

На шестом этаже этот вопрос мне задавали чаще, чем "как дела". Шёпотом, в лоб, между шашками и щелбанами. Есть только одна вещь, которую нельзя делать, когда ребёнок спрашивает тебя про смерть: нельзя пугаться. Он сразу поймёт, что это страшно настолько, что даже большие боятся.

- Не знаю, - сказала я. - Никто не знает. Я бы хотела попозже, у меня дела. А ты?

Девочка подумала.

- Я потом, - сказала она. - Папа умер уже. Он на воде. Это его. - Она потрогала тельняшку.

- Хорошая, - сказала я. - Сразу видно, что папина. Можно потрогать?

- Нет.

- Ура! - сказала я слабым голосом с пола. - Второе "нет". Мне сегодня страшно везёт.

И тут я услышала звук, которого в этом белом зале, кажется, не было с самого его открытия. Коротко, хрипло, как будто кто-то икнул. Девочка смеялась. Она сама удивилась. Она посмотрела на меня с недоверием, затем обернулась на рыбу, и её щёки поднялись, глаза сузились в две щёлочки, и она, четырёхлетняя, в отцовской тельняшке, с мокрым Сазаном в кулаке, засмеялась снова и плюхнулась попой на ка-

мень.

На лестнице девочка с косой не шелохнулась. Только книга у неё в руках почему-то начала дрожать.

* * *

Правило третье. Клоун всегда проигрывает.

За следующий час я проиграла Наталье Андреевне Рябининой всё, что можно. Я проиграла ей в гляделки. Я проиграла ей в "кто быстрее залезет под стол", застряв в плюшевых штанах, отчего мне пришлось снять нижнюю часть единорога и остаться в трениках и разных носках. Она ткнула пальцем в носки, и я с ужасом обнаружила, что они разные, и мне стало за них ужасно стыдно. Я проиграла ей в "сколько будет два плюс два". Она сказала "сто", и я сказала "ого". Я потеряла свою голову ещё четыре раза. К середине второго часа она сидела на мне верхом и командовала, а рыба лежала у меня на животе и "пила", и я узнала, что её зовут Сазан, что папа сшил её из старой куртки и что я теперь называюсь "Нос". Я достала из кармана красный нос, просто чтобы высморкаться. Я всегда ношу его с собой. Она отобрала его, надела на рыбу, и я проиграла и нос тоже.

Мальчика я не трогала. Даже не посмотрела в его сторону ни разу. Я только постепенно, по чуть-чуть, в ходе всей этой войны, перемещалась по залу, пока не оказалась метрах в двух от него, спиной. Села на пол. Вынула из своего единорога хвост, который давно на честном слове держался на липучке, и стала пытаться его привязать обратно какой-то

верёвочкой от костюма. Завязала бантик. Он развязался. Завязала два бантика. Хвост упал. Я тяжело вздохнула, сказала хвосту "Ну что ты будешь делать" и попробовала снова, высунув язык, самым тупым и безнадёжным способом, каким только можно завязать верёвку.

Не поворачиваться. Главное, не поворачиваться.

Прошло минуты три. За спиной что-то тихо зашуршало. Такса вздохнула.

На мой хвост легла чья-то маленькая рука. Вторая забрала у меня верёвку.

Я не шелохнулась. Я, кажется, вообще перестала дышать. Пальцы были холодные и очень ловкие, с обкусанными ногтями. Они обошли хвост, пропустили конец в петлю, вокруг, обратно. Затянули. Я краем глаза увидела серый рукав. Хвост теперь сидел так, будто родился здесь. Рука полежала на нём ещё секунду и исчезла.

- Спасибо, коллега, - сказала я в пространство. Обычным голосом, без ахов и восторгов. - Хороший узел.

И всё. Я не обернулась, не улыбнулась и не сказала ему, какой он молодец. Я встала и пошла проигрывать дальше. Ноги подо мной почему-то были как ватные. Когда я дошла до стола, то заметила, что мужчина смотрит на меня. Он так и стоял посреди зала, с телефоном в руке, и телефон звонил, у него на экране было написано "Цюрих". Он снял трубку и сказал, не отводя от меня глаз: "Да. Да, я слушаю. Перенесите". И отключился.

Я подошла к лестнице. Девочка смотрела на меня сверху вниз. Вблизи я увидела, что ей совсем мало лет. Вокруг глаз у неё лежали такие тени, какие бывают только у мам в отделении, на третью неделю.

- Сколько вам платят? - спросила она.

- Двадцать тысяч, - сказала я. - За два часа. Много. Мне очень нужно.

Она заметно удивилась. Я подозреваю, что это случалось с ней нечасто. Семь предыдущих взрослых, наверное, отвечали, что дело не в деньгах.

- Через два часа вы уйдёте, - сказала она.

- Да.

- Тогда зачем ей к вам привыкать?

Голос у неё был совершенно ровный, а вопрос был хороший. Лучший вопрос из всех, что мне задавали на этой работе. Я задаю его себе в лифте примерно каждый четверг.

- Потому что два часа - это тоже время, - сказала я. - Тут других нету. Кто пёк торт?

- Я.

Я подошла к столу, отломила блин с края и съела. Она следила за мной, не мигая.

- Подгорел, - сказала я. - С одной стороны. И соли многовато.

Девочка молчала довольно долго. В углу её рта что-то чуть-чуть, совсем немного дрогнуло.

- Я знаю, - сказала она. - Сковородка плохая. Спасибо.

Я думаю, это был первый честный разговор, который случился в этой квартире.

Мы зажгли свечи впятером, то есть я держала зажигалку, девочка Варя держала Наташу, мальчик подошёл и встал рядом, с таксой под мышкой, а мужчина стоял чуть поодаль и держал свой бумажный колпак. Спеть я никого не просила. Наташа подула, плюнула и попала на три свечки из четырёх. Четвёртая горела. Наташа посмотрела на неё. Потом обвела глазами всех нас. Я видела, что она кого-то ищет, и видела момент, когда она вспомнила.

Она ничего не сказала. Просто подошла к столу и потушила последнюю свечку ладошкой.

* * *

- Сколько вы хотите? - спросил он.

Мы стояли в прихожей. Было без десяти четыре. Я уже оделась, если это можно так назвать: уложила части единорога в клетчатую сумку и завязала волосы карандашом. В руках у него был конверт.

- Здесь двести тысяч, - сказал он. - Это не за сегодня. За сегодня у вас будет ваша двадцатка, а это аванс. Сколько вы хотите в месяц? Назовите сумму. Я не шучу, хотя обычно шучу. Вы сегодня за два часа сделали то, что не смогли сделать семь профессионалов с рекомендациями. Она смеялась. Он к вам подошёл. Я ничего не понимаю, но я умею распознавать хороший актив.

Он говорил быстро, негромко, улыбаясь одной половиной

рта. Шутил, а глаза были усталые. Он, наверное, считал, что делает мне подарок.

- Как вы сказали? - спросила я.

- Актив. Простите. Профессиональное. Хорошего человека.

- А вы им кто?

Он на секунду запнулся.

- Формально - предварительный опекун. На месяц. Их отец был моим другом, он погиб на Волге три недели назад. - Он сказал это ровно, как читают сводку. - Я разбираюсь с ситуацией. Найду им хорошую семью и вопрос закрою. Мне нужно, чтобы до этого кто-то сидел с детьми. Вот, собственно, и вся задача.

- Закроете вопрос, - повторила я.

- Да.

- Семью вы как ищете? По объявлению?

Он чуть приподнял бровь. На лице мелькнуло что-то вроде смущения, но он быстро взял себя в руки.

- У меня есть таблица, - сказал он. - С критериями.

Я, наверное, уже говорила про Эдгара и про торт. Я знаю за собой этот недостаток. Сначала становится очень тихо, потом начинает пульсировать в ушах, а потом я слышу собственный голос, и он говорит вещи, за которые мне не заплатят.

- Таблица, - сказала я. - Я поняла. У ребёнка на столе свечка, а она ищет глазами человека, которого закопали три неде-

ли назад, и вы стоите рядом с колпаком в руке. Мальчик не говорит, и я вам сейчас скажу, это не "особенности". Я таких видела. Там очень глубоко. Девочка тринадцати лет печёт торт и считает ваши расходы, потому что если она перестанет считать, то упадёт. Вы знаете, что они не спят? Вы их глаза видели? У вас тут слон за сто двадцать тысяч, я ценник читала, и вы ставите на отчётность. Вы мне говорите, что вам нужно посидеть с ними, пока вы закроете вопрос. Как вы сказали, таблица? Нет, вы мне скажите, в вашей таблице они все вместе? Или по отдельности?

Что-то случилось с его лицом. Полуулыбка не исчезла, просто стала неподвижной.

- Вы очень хорошо умеете падать, - сказал он, помолчав. - Я, честно говоря, никогда не видел ничего подобного. Но я, кажется, плачу вам не за оценку моего морального облика.

- Вы мне вообще ни за что не платите, - сказала я. - Людмила Аркадьевна платит. Вы их не воспитываете. Вы их сдали на хранение. И ищете ячейку подешевле, только дорого.

- Подороже, - поправил он. - Я никогда в жизни не экономил на ячейках.

Он сказал это мгновенно, без паузы, с полуулыбкой. Это было смешно. Я бы засмеялась, если бы его не ненавидела. И в ту же секунду я увидела, как у него дёрнулся мускул под глазом. Совсем чуть-чуть. Мне показалось, что он сам себя сейчас ударил.

Он протянул мне конверт. Я взяла его, вынула из него ров-

но четыре красные бумажки по пять тысяч и вернула остальное. Руки у меня не дрожали. Двести тысяч - это четыре маминых зарплаты. Я умею считать не хуже него.

- Мне нужны эти двадцать, - сказала я. - Очень. И я не буду делать вид, что нет. А больше мне от вас ничего не нужно. Ни рублём. Спасибо за блины.

Я подхватила сумку. Что-то дёрнуло меня за штанину.

Внизу стояла Наташа. На щеке у неё было варенье, а на рыбе - мой нос.

- Нос, - сказала она. - Ты придёшь завтра?

Я присела. Коленка хрустнула. За спиной у неё, в глубине белого зала, неподвижно стояла Варя и смотрела на нас, и я знала, что она ждёт. Она ждёт, что я сейчас скажу то, что говорят все.

Правило четвёртое.

- Не знаю, - сказала я. - Я не могу обещать. Я могу тебе пообещать только одну вещь. Хочешь?

Она кивнула.

- Следующая шутка будет про ботинок. - Я подняла один палец. - Она ещё не готова.

Наташа посмотрела на меня серьёзно, с полным пониманием. Потом обхватила мою ногу обеими руками, прижалась щекой к трикотажной коленке и постояла так. Недолго, секунд пять. Я не шевелилась. Потом отпустила и ушла по коридору, таща полосатый хвост.

Я вошла в лифт. Двери закрылись. Он, этот человек, так

и стоял на пороге, с конвертом, и смотрел на меня, и улыбка у него наконец исчезла, и под ней оказалось совершенно незнакомое лицо.

Сорок две секунды. Самый короткий лифт в моей жизни. На сорок второй я успела только снять очередную слезу пальцем и шмыгнуть носом, и двери уже разъехались в мраморном холле, а охранник спросил:

- Вы живая?

- Немножко, - сказала я.

В электричке было душно и пахло черешней. Я поставила сумку на колени и наконец развязала её, чтобы достать телефон и написать Гуле. И тут я увидела, что на ручке сумки появилось что-то новое. Маленький аккуратный узел, тугой, ровный, размером с лесной орех. Я его не завязывала. Он был сделан из тонкой белой верёвочки, той самой, с моего хвоста, и на конце у него была маленькая петля, как будто в неё что-то можно продеть. Я подёргала. Он не поддавался. Я ковыряла его ногтем до самой Перловской. Он сидел намертво, а петля не затягивалась, сколько ни тяни.

Я сунула руку в сумку, за телефоном, и нащупала что-то мокрое.

Там, между плюшевым задом и правым копытом, завёрнутая в единорожью гриву, лежала рыба. Брезентовая, тяжёлая, насквозь сырая, с моим красным носом на морде. Я вытащила её на свет и уставилась на неё. Рыба уставилась на меня чёрной пуговицей. На брезенте большими мужскими

стежками было вышито одно слово: "Сазан".

Девочка четырёх лет, которая спит с ней и не выпускает её из рук ни на секунду, положила её мне в сумку. Сама. Пока обнимала меня за ногу.

- Ох, - сказала я вслух. - Ох ты ж…

Телефон зазвонил. Номер был незнакомый. Было слышно, что на том конце, где-то очень высоко над землёй, кто-то кричит. Страшно, на одной ноте, как кричат только очень маленькие дети.

Глава 5. Полная семья

Олег

Пункт 2.1: "Стороны создают видимость полной семьи для всех заинтересованных лиц. Стороны понимают, что это нехорошо".

В банковском деле это называется обеспечением. Когда контрагент уходит и ты не уверен, что он вернётся, ты берёшь у него залог. Нормальная практика.

Наталья Андреевна Рябинина применила её в четыре года, в обратном порядке. Она отдала в залог самое ценное, что у неё было, чтобы контрагент был вынужден вернуться.

Я понял это не сразу. Сначала она кричала. Она обнаружила пропажу в пять часов, и я впервые услышал, как кричит человек весом шестнадцать килограммов, когда в нём заканчивается всё остальное. Это был один звук, очень высокий, без слёз. Он не прерывался на вдох. У меня в квартире триста сорок квадратных метров звукоизолирующих панелей, и они не помогали. Мы перевернули всё. Я лично вынул из слона набивку. Гриша проверил мусоропровод. Аудит забился под диван, а Тимофей сел в угол, зажал уши руками и закрыл глаза, и я в какой-то момент понял, что он дрожит.

- Она не потеряла, - сказала Варя.

Она стояла посреди разгрома, белая как стена, держа сестру поперёк живота. Наташа выгибалась у неё в руках дугой.

- Что значит "не потеряла"?

- Она её отдала. Я видела, как она совала что-то в сумку. Я думала, блин. - Варя говорила быстро и ровно, а губы у неё почти не двигались. - Папа всегда так делал. Когда уходил на смену надолго, сажал Сазана ей на кровать и говорил: "Я оставляю Сазана за старшего. Значит, я за ним вернусь. Человек всегда возвращается туда, где оставил свою рыбу". Седьмого он тоже оставил. Понимаете? Он оставил рыбу. Он должен за ней вернуться. Она поэтому его не выпускает. Она его кормит, поит, она его сторожит. А сейчас отдала его этой… Носу. Чтобы Нос вернулась. Только она ей этого не объяснила, потому что ей четыре года, а теперь у неё нет рыбы. Вы понимаете вообще, что она сделала?

Я понимал. Я понимал это очень хорошо. Я работаю с обеспечением одиннадцать лет. Я стоял в носках на осколках чего-то белого и понимал, что ни один финансовый инструмент в моей жизни не вызывал у меня такого чувства, как будто мне вскрыли грудь консервным ножом.

Я взял телефон. Людмила Аркадьевна продиктовала номер, не задав ни одного вопроса.

Она приехала через час десять. Я послал за ней Гришу, и он нашёл её на платформе "Перловская", где она стояла с клетчатой сумкой и ждала обратную электричку. Она вошла в квартиру в трениках и мокрой от дождя футболке. Без единорога она оказалась совсем маленькой. Медные кудри торчали из-под карандаша. Она не посмотрела на меня. Прошла

через разгром, как проходят через пустую комнату, и остановилась у двери в спальню. Дверь была открыта настежь. Варя сидела на полу, а Наташа уже не кричала, а издавала какой-то сиплый скрип, потому что голос у неё кончился.

Женщина подняла руку и постучала по косяку.

- Можно войти? - спросила она.

Скрип прервался. Я видел, как круглая голова медленно повернулась. Лицо было красное, опухшее, глаза совсем маленькие.

Женщина присела на корточки на пороге, не переступая его. Вынула из-за пазухи рыбу. Положила её на пол и подтолкнула вперёд одним пальцем. На морде у рыбы всё ещё сидел красный нос.

- Ты мне её дала, чтобы я вернулась, - сказала она негромко и очень серьёзно, как говорят с партнёром по бизнесу. - Я вернулась. Договор выполнен. Рыба твоя. Я, между прочим, очень хорошо за ней смотрела. Она пила в электричке.

Наташа смотрела на рыбу. Потом на женщину. Потом ползком, как раненый солдат, пересекла два метра пола, легла животом на Сазана и обхватила его руками. И в то же мгновение, как будто кто-то выдернул вилку, заснула. Просто заснула, на полу, лицом в мокрый брезент.

В квартире стало так тихо, что заложило уши.

Женщина посидела ещё минуту. Потом поднялась, держась за косяк. Вышла мимо меня в прихожую. Я пошёл за ней. Мне надо было что-то сказать. Я перебрал четыре вари-

анта.

- Такси, - сказал я. - Или Гриша…

- Нет, - сказала она.

- Хотя бы скажите, как вас зовут. Вас ведь не Единорог зовут.

Она обернулась на пороге. Лицо у неё было серое от усталости. Я только теперь заметил щербинку между передними зубами. Карие глаза посмотрели на меня, и в них не было никакой ненависти. Там было что-то гораздо более неприятное. Там было разочарование специалиста.

- Вы у неё спросили, - сказала она, - почему она отдала рыбу?

- Варя мне объяснила…

- Вы у неё спросите, - сказала она. - Когда проснётся. - И вошла в лифт.

Людмила Аркадьевна сообщила мне в понедельник, что исполнительницу зовут Жарова С. Р. В ведомости было указано: двадцать тысяч рублей ноль копеек. Остальные сто восемьдесят лежали у меня на столе в конверте.

За всю мою карьеру от меня ещё ни разу не отказывались по такой цене.

* * *

Первого июня, в понедельник, ровно в восемь ноль-ноль, консьерж позвонил снизу и упавшим голосом сообщил, что ко мне идёт старушка с сумкой на колёсах и что он её не остановил. Он пробовал.

Зоя Павловна вошла в мою квартиру, как входит налоговая. Она приехала на ночном поезде. Я предложил кофе. Она поставила на стеклянный стол свой термос.

Она провела здесь шесть часов. Она открыла холодильник и понюхала кастрюлю. Померила рулеткой спальные места. Посмотрела в уши Наташе. Постояла возле Тимофея, ничего не сказав, положила ему на пол рядом с верёвкой пакетик с карамельками "Дюшес" и отошла. Прочитала Варин дневник и Варину тетрадь в клетку, где были мои расходы за неделю, и хмыкнула. Спросила про семь нянь. Я начал излагать в форме таблицы, но она подняла ладонь и сказала, что звонила в агентства, она в курсе, про ботинок тоже. Потом спросила про слона.

- Подарок, - сказал я.

- Я так и подумала. Садитесь, гражданин Ледовский.

Мы сидели на кухне. В окне висела Москва. Она достала из клетчатой сумки папку, вынула из папки лист и положила передо мной.

- Двадцать шестого мая к нам поступило заявление. Дергачёва Лариса Николаевна, родная сестра покойной матери. Просит назначить её опекуном всех троих.

На одну секунду, и я говорю об этом потому, что решил говорить здесь правду, у меня внутри что-то радостно подпрыгнуло.

Родная тётка. Женщина. Кострома. Семья! Вот же он, нормальный вариант, сам пришёл, строка шестнадцать, и

столбец заполнен, и вопрос закрыт, и я могу вернуться к своим бондам и своему белому дивану, и Цюрих перестанет писать мне вежливые письма. Я почувствовал это физически. Как будто с моей шеи снимают что-то тяжёлое и мокрое.

Я надел очки, чтобы скрыть выражение лица.

- Это та, которая взяла их на неделю и вернула? - спросил я.

- Та самая.

- Что изменилось?

Зоя Павловна посмотрела на меня поверх крышки с некоторым новым интересом.

- Вот и я себя спрашиваю. Читайте. Вы же читаете.

Я читаю. Я прочитал заявление, потом справку с места работы, потом выписку на жильё, потом акт обследования. Там было четыре страницы и приложения. Двухкомнатная квартира, район Давыдовский. Дергачёв Станислав Игоревич, сорок четыре года, менеджер по сбыту. Положительные характеристики. Всё было написано правильно, и всё было написано человеком, который уже знает, как надо писать. Потому что женщина, которая работает администратором в поликлинике и две недели назад вернула детей, не пишет слова "в соответствии с частью второй статьи десятой". На третьей странице приложения, мелким шрифтом, была ещё одна строка. Она всегда бывает. На свете нет бумаги без такой строки, поэтому я и читаю до конца.

"В связи с ограниченной жилой площадью и особенностя-

ми развития несовершеннолетнего Рябинина Т. А. полагаем целесообразным его направление на обследование и дальнейшее пребывание в областном коррекционном учреждении интернатного типа".

Я прочитал это один раз. Перевернул лист. Посмотрел на оборот. Оборот был пустой.

- Это что? - сказал я.

- А вы что подумали?

- Мальчику восемь лет. Он не сумасшедший. Он вяжет узлы, которые не может развязать бывший десантник.

- Я знаю, что он вяжет. - Она налила себе. - Старшей через три года шестнадцать, она тоже проблема, она им не нужна, её определят к бабке Дергачёва в деревню, "для помощи по хозяйству", это мне на словах передали. Им нужна младшая, Лариса на неё наглядеться не может, вылитая Лиза. Я тридцать один год на этой работе, гражданин Ледовский, я вижу, что к чему, но то, что вижу я, в акт не впишешь. В акт впишут другое. - Она загнула сухой палец. - Двадцать второго июня у нас опекунский совет. В этот же день кончается ваша предварительная. Продлить я могу до шести месяцев, но только если совет сочтёт, что вы подходите. Вот что совет увидит. С одной стороны, кровные родственники. Женщина, полная семья, муж работает, характеристики. С другой стороны - вы. Мужчина тридцати трёх лет, холостой, восемьдесят пять часов в неделю, семь нянь за восемь дней, стекло от пола до потолка и слон. Вы бы сами кому отдали?

- В законе нет требования, чтобы опекун был женат, - сказал я. - Я прочитал. Статья десятая закона об опеке и статья сто сорок шестая Семейного кодекса. Одинокому мужчине закон не запрещает.

- В законе нет, - сказала Зоя Павловна. - В законе много чего нет. А в жизни есть председатель совета, женщина, у которой трое своих внуков, и когда она посмотрит на ваше дело, у неё будет такое же лицо, какое сейчас у меня. Опека вам не откажет, потому что не положено. Опека напишет "полная семья" и поставит галочку напротив другой фамилии. Я не могу вам ничего советовать. Я государственный служащий. - Она закрутила термос. Движения у неё были очень точные. - Вы хотели закрыть вопрос. Подпишите отказ, и он закрыт. Младшая будет сыта и одета. Старшая как-нибудь. Мальчик в интернате, ну, что ж, у нас есть неплохие.

Она взялась за ручку сумки. Колёсики скрипнули. Я сидел и смотрел в бумагу. За окном пролетела какая-то птица. На такой высоте их почти не бывает.

- Я подумаю, - сказал я.

- Подумайте, - сказала она и встала, и оказалась ненамного выше, чем сидя. - До вечернего поезда ещё далеко. Я пока посижу с ребёнком.

В дверях она обернулась.

- И вот ещё что. У вас в квартире хорошая слышимость. Я бы на вашем месте поговорила со старшей. Мне показалось, что за этой дверью минуту назад кто-то перестал дышать.

* * *

Варя пришла ко мне сама, в два часа ночи.

Я сидел в кабинете. Точнее, я сидел в той части квартиры, где стоял письменный стол. На столе лежал заключительный лист файла "Кострома_семьи_критерии". Я только что удалил из него всё, кроме строки с Дергачёвыми, и теперь смотрел на неё. Модель была простая. Подписать - и послезавтра я снова свободный человек. Я прогнал её трижды. Модель сходилась. Я не мог понять, почему меня тошнит.

Дверь открылась. Варя была в длинной отцовской футболке с надписью "МЧС", с распущенной косой, и волосы её оказались очень длинными и делали её ещё тоньше. Очков на ней не было. Без очков ей было тринадцать лет. Она двумя руками несла перед собой коробку из-под обуви, перемотанную скотчем. Подошла. Поставила на стол, прямо на бумаги.

- Я хочу вас нанять, - сказала она.

Голос был тот же, ровный, только немного севший. Вероятно, она долго держала его в руках, прежде чем принести.

- Варя…

- Подождите, у меня всё подготовлено. - Она взяла со стола канцелярский нож, разрезала скотч и подняла крышку.

В коробке, плотно, корешок к корешку, как картотека, стояли белые конверты с логотипом курьерской службы. Я узнал логотип. Я узнал бланк. Я видел их в бухгалтерии каждый февраль. Они все были запечатаны. Ни на одном не был надорван край. На каждом стоял год, написанный

детским почерком, сначала большими кривыми цифрами, потом всё ровнее. Две тысячи четырнадцать. Пятнадцать. Шестнадцать…

- Здесь тринадцать, - сказала Варя. - Я ни одного не открывала. Папа хотел, чтобы я открывала, а я не стала. Я думаю, там деньги. Я не знаю сколько. Если вы посылали одинаково и с учётом инфляции, то, наверное, это больше миллиона. Может быть, два. Мне они не нужны, я всё равно не собиралась их брать. Я слышала, что она сказала. Про Тима. Я слышала всё.

Она положила обе руки на стол. Я видел, как у неё дрожат пальцы, и видел, как она это заметила и прижала их к столешнице.

- Вы понимаете только деньги, - сказала моя крестница. - Я не в упрёк, это просто факт. Поэтому я предлагаю вам нормальную сделку. Заберите это. Здесь все ваши деньги за тринадцать лет обратно. Вы мне ничего не должны и никогда не были должны. А за это вы откажете тёте Ларисе. Я не прошу, чтобы вы нас любили, это не входит. Я буду готовить, я буду смотреть за Наташей, вы нас не увидите. Вы можете не приходить домой. Только не отдавайте Тима. Он там умрёт. Вы понимаете? Он там ляжет лицом к стене и умрёт, он уже так лежал. И Наташу не отдавайте одну. Она укусит тётю Ларису, и её будут бить. И всё, я больше ничего не хочу. Если мало, я могу работать, я могу делать вам таблицы, я быстро считаю. Я посчитала: мне до восемнадцати четыре года и во-

семь месяцев, это тысяча семьсот восемнадцать дней. Я всё верну.

Она замолчала.

Она сказала всё это, глядя мне прямо в лицо. Ни одна мышца не дрогнула. Только по левой щеке, очень медленно, ползла одна-единственная слеза, и она, кажется, об этом не знала.

В кабинете было тихо. Внизу под нами лежала миллионами огней Москва, город, в котором всё продаётся. Я был одним из лучших специалистов в этом городе.

Я смотрел на тринадцать конвертов.

Ты спрашивал, Андрей, почему у меня не сходилось. Тем летом, в школьной тетрадке. Я тебе тогда сказал, что ты не учёл амортизацию лодки. Ты смеялся. Ты сказал: Олег, нельзя же всё считать.

Я снял очки. Положил их на стол. Я взял крышку от коробки, очень аккуратно накрыл ею конверты, поднял коробку двумя руками и переставил на другой конец стола, поближе к Варе.

- Мало? - спросила она одними губами.

- Варя, - сказал я.

Голос мне не понравился. Я откашлялся. Потом протянул руку и нажал на клавиатуре одну клавишу. На экране выскочило окошко: "Удалить файл Кострома_семьи_критерии.xlsx?" Я развернул ноутбук экраном к ней и нажал "Да".

- Я очень плохой человек, - сказал я. - Я это понял не сей-

час. Но у меня есть один полезный дефект. Я ненавижу проигрывать. Твоя тётя со своим грамотным заявлением, которое писала не она, сделала большую ошибку. Она в мелком шрифте упомянула человека, у которого я в долгу. Так что слушай. Сделки не будет. Убери, пожалуйста, эту коробку. Никого я не отдам. Ни Тимофея, ни Наталью, ни тебя. Ты меня поняла?

Она стояла и смотрела на меня. На этот раз мне не поставили никакой оценки. Она как будто не верила собственным ушам, а затем, с тем же недоверием, быстрым злым движением вытерла щёку тыльной стороной ладони.

- Почему? - спросила она.

Я мог бы сказать много правильных вещей. В книге, наверное, было написано, каких.

- Понятия не имею, - сказал я честно. - Посчитаем. Иди спать.

Она взяла коробку. В дверях, не оборачиваясь, произнесла:

- У вас нет ни одного шанса, господин финансовый директор. Я читала заявление. Вам нужна полная семья. Вы хоть знаете, где её взять?

Вот в этом и была вся проблема.

* * *

Лев Матвеевич Шубин кормил голубей.

Он сидел на лавочке на Патриарших, в чёрном пальто, несмотря на июнь. Тридцать лет он вёл дела нашей семьи, и

в январе мой брат уволил его при четырнадцати свидетелях. С тех пор он не сказал об этом ни слова и никому не отомстил. Он похож на старую черепаху и живёт, по-видимому, так же долго. Я сел рядом и изложил суть за четыре минуты. Он открыл один глаз только один раз: на словах "мелким шрифтом".

- Ваш брат меня уволил, - сказал он скрипучим голосом и бросил крошку.

- Сергей поступил правильно, - сказал я.

- Безусловно. Я бы сделал то же самое. - Он помолчал. Голуби топтались у него на ботинках. - Кто готовил заявление Дергачёвых?

- Не знаю. Юрист, и дорогой. В Костроме таких нет.

- Значит, это не про детей. Пока оставим. - Он отряхнул ладони. - Вы знаете, Олег Викторович, вы всегда были единственным Ледовским, с которым мне было не скучно. Совет соберётся двадцать второго. У вас меньше трёх недель. Спорить об интересах ребёнка бесполезно: комиссия не читает, комиссия смотрит на фотографию. Вам нужна фотография. Мужчина, женщина, трое детей, все улыбаются. Вам нужна жена.

Я засмеялся. Голубь рядом вздрогнул.

Лев Матвеевич не засмеялся. Он никогда не смеётся. Он повернул ко мне голову, медленно, и открыл второй глаз.

- Настоящая, - сказал он. - С паспортом и штампом. На срок, необходимый для установления постоянной опеки,

скажем, на год. Союз двух взрослых людей, заключённый по взаимной договорённости, с подробным урегулированием всех имущественных и неимущественных вопросов. Такие вещи обычно не афишируются. Я подготовил их за свою жизнь одиннадцать штук. Вы удивитесь, какие там фамилии. Только учтите. Брак без намерения создать семью называется фиктивным. Статья двадцать седьмая. Он признаётся недействительным, а опека отменяется. Если вас поймают, вы потеряете всё. Значит, это должна быть женщина, которая сможет продержаться год под взглядом этой маленькой старухи с термосом. Которую дети подпустят к себе. Это главное. Подпустят по-настоящему, такое не подделаешь. И которая никому никогда ничего не скажет.

Я перестал смеяться.

Вечером я сделал таблицу. Это мой способ не сходить с ума. Строки: кандидатки. Столбцы: возраст, репутация, цена, риск утечки, педагогические навыки, переносимость укусов. Я внёс бывшую подругу Викторию (манекенщица, держит удар, детей называет "эти маленькие"), двух дочерей партнёров и одну очень милую женщину из отдела комплаенса. Людмиле Аркадьевне я сделал предложение в шутку, за обедом, просто чтобы услышать, как это звучит. Она посмотрела на меня поверх очков и сказала, что такого мужа на свою пенсию не потянет.

В среду я заехал к брату. Оля сидела на крыльце с чертежами, положив их на круглый живот. Дима объяснял таксе

устройство отбойного молотка. Я показал таблицу Сергею, и он просмотрел её с кофе в руке. Потом протянул планшет жене.

Оля прочитала её до конца. Посмотрела на меня своими ясными серыми глазами, и я вспомнил, что эта женщина за три месяца разобрала по винтику моего брата.

- Олег, - сказала она. - А как ты узнал, что у них с той девушкой получилось? Ты рассказывал. Которая в единороге.

- Какое это имеет значение? Она меня ненавидит. Она взяла двадцать тысяч и послала меня в самой изысканной форме, какую я слышал со времён аудитора из "Прайсуотерхаус". Я даже не знаю толком, кто она. Какая-то артистка из больницы, Людмила Аркадьевна выяснила: в ближайший четверг на Ленинском, на шестом этаже у…

Я осёкся.

- У кого? - спросила Оля.

- У Левицкой, - медленно сказал я.

У дверей этого здания у меня один раз в жизни отказали ноги. Я тогда просидел всё лечение моей крестницы на парковке, в машине, с включённой печкой, и сказал Андрею по телефону, что у меня совещание.

Сергей отпил кофе. Он внимательно смотрел мне в лицо. Потом глянул вниз: на мой галстук, на маленький аккуратный узел посередине, который я почему-то так и не развязал.

- Найми единорога, - сказал мой брат. - Это не обсуждается.

Отчёт № 3.

Получатель: Рябинин А. С.

Период: с 31 мая по 3 июня.

Поступления: коробка, тринадцать конвертов (возвращена отправителю).

Списания: файл "Кострома_семьи_критерии" (1 шт., окончательно).

Вывод: к 22 июня мне нужно родить полную семью. Для этого мне нужна женщина, которая меня презирает. Для этого мне нужно войти в здание, в которое я не вхожу. Спасибо, Андрей. Ты всегда умел устроить людям отдых.

Статус: доставлено. Одна галочка.

Глава 6. Презентация

Соня

Пункт 3.1: "Вознаграждение Стороны 2 составляет 4 870 000 (четыре миллиона восемьсот семьдесят тысяч) рублей. Ни рублём больше. На этом настаивает Сторона 2. Сторона 1 до сих пор не понимает почему".

- Там какой-то длинный сидит, - сказала Гуля.

Был четверг, половина третьего. Я стояла в сестринской, смывала с щеки веснушку и думала про шашки. Илюша разгромил меня четыре раза подряд и один раз уснул посреди партии, с шашкой в руке. Раньше такого не было.

- Где сидит?

- На парковке. - Гуля подошла к окну и отодвинула пальцем жалюзи. Гульнара Рашидовна, старшая смены, человек, который может попасть в вену спящему ребёнку на ходу в лифте. Рост метр пятьдесят, вес неизвестен науке. - С девяти утра. Костюм такой, что охранник ходил посмотреть. Он спросил на вахте Жарову. Его пропускают, а он не идёт. Дошёл до дверей, постоял и вернулся. Минут пять стоял, я видела. Держался за перила. Потом сел в машину и сидит. С утра, Соня. Пять с половиной часов. Это твой?

Я подошла к окну. Шестой этаж. Внизу, на парковке, среди обшарпанных родительских "Логанов", стояла длинная серая машина. На капоте лежал открытый ноутбук. Рядом

с ним сидела, нет, стояла, прислонившись, очень знакомая фигура.

- Это не мой, - сказала я. - Это Эдгар номер два.

- Красивый, - задумчиво сказала Гуля.

- Он покупает людей.

- Так это ж не недостаток, если платит, - сказала Гуля и отпустила жалюзи. - Иди, он там скоро сгорит.

Я спустилась на служебном лифте и вышла через приёмный покой. Июньское солнце лупило по асфальту. У меня в кармане халата лежал нос, а на ногах были разные носки: один зелёный в горох, другой с надписью "Пятница". Он увидел меня метров за тридцать и выпрямился. Вид у него был такой, как будто он пересидел в бане. Лицо бледное, почти зелёное, волосы мокрые у висков, галстук ослаблен. На галстуке посередине я заметила маленький узел. Почему-то мне было приятно это увидеть, и я немедленно на себя за это разозлилась.

- Софья Романовна, - сказал он.

- Как вы узнали, что я Романовна?

- Ведомость. Вы на меня работали два часа сорок восемь минут сверх оплаченного времени. Я должен вам двадцать восемь тысяч, но это потом.

- Почему вы не поднялись? Вас же пропускают. Шестой этаж, лифт налево.

Что-то мелькнуло у него в глазах и сразу спряталось.

- У меня аллергия на хлорку, - сказал он.

- Сильная, смотрю, - сказала я. - Пять с половиной часов на солнце. Что вам нужно?

- У меня к вам деловое предложение. Я подготовил материалы. Займёт шесть минут. - Он развернул ко мне ноутбук на капоте, поправил экран, чтобы не бликовал, и надел очки. Очки его сразу изменили. Он стал похож на очень умного и очень уставшего старшеклассника. - Прошу.

На экране появился белый слайд с синей полосой. На нём аккуратным шрифтом было написано:

"ПРОЕКТ СЕМЬЯ. Инвестиционный меморандум. Строго конфиденциально".

Я посмотрела на слайд. Посмотрела на него. Он нажал на клавишу. У него была маленькая указка. Лазерная. Я не шучу.

- Слайд два. Проблема. Двадцать второго июня опекунский совет города Костромы рассмотрит вопрос о постоянном устройстве троих несовершеннолетних. Конкурирующая заявка: Дергачёвы, родственники. Ожидаемый результат: младшая остаётся в семье тётки, старшая направляется в деревню, средний - в коррекционный интернат. Вероятность, по моей оценке, восемьдесят пять процентов. Основной фактор риска: заявитель, то есть я, не имеет полной семьи.

Смешинка у меня внутри, которая было зашевелилась, вдруг остановилась. Он сказал "в коррекционный интернат" тем же тоном, что и всё остальное. Только красная точка

указки на этих словах дёрнулась.

- Что? - сказала я. - Мальчика? Какой интернат? Того мальчика? С верёвкой?

- Слайд три, - сказал он. - Решение. Устранение фактора риска. Заключение брака между заявителем и подходящим лицом сроком на двенадцать месяцев, на период установления постоянной опеки. Слайд четыре. Анализ кандидатов. Мной рассмотрено восемь кандидатур по шести критериям. Вес критерия "переносимость укусов" ноль целых двадцать пять сотых. Вы видите, что первая строка таблицы значительно опережает все остальные. Семь и девять десятых балла. Слайд пять: возможные риски и способы их снижения.

Я смотрела на первую строку таблицы. Там было написано: "Жарова С. Р. (единорог)".

- Подождите, - сказала я.

- Вопросы в конце. Слайд шесть, финансовая модель. Инвестиции вашего времени - двенадцать месяцев. Компенсация на ваше усмотрение, предлагаю обсудить диапазон. Выход из проекта - развод по взаимному согласию на триста шестьдесят шестой день, никаких претензий сторон. Слайд семь. Сравнительный анализ: я как муж, сильные и слабые стороны. Сильные: платёжеспособность, чувство юмора, собственные зубы. Слабые: восемьдесят пять рабочих часов в неделю, не умею…

- Подождите! - закричала я. - Вы что, делаете мне предложение?

Он опустил указку. Снял очки. Подумал над вопросом с большой добросовестностью.

- Да, - сказал он. - Формально да.

Я прислонилась к чужому "Логану".

Сначала у меня заболело под рёбрами. Потом поднялось выше. Я честно пыталась удержаться, потому что это было ужасно, потому что я только что услышала про мальчика, и потому что на шестом этаже спал лысый ребёнок с шашкой в руке. Но организм клоуна устроен так, что у него есть только один клапан на всё. Я захрюкала. Потом заржала. Я согнулась пополам, я сползла по дверце "Логана" на асфальт и села, и слёзы брызнули из глаз, и я колотила ладонью по колену, а какая-то мамаша с пакетом из аптеки шарахнулась от меня в сторону. Слайд семь!

- Собственные зубы! - выла я. - Со… собственные!..

Он стоял и смотрел на меня сверху вниз, держа в руке лазерную указку. Вид у него был человека, чей квартальный отчёт вызвал неожиданную реакцию рынка.

- Это стандартный формат, - сказал он. - Обычно на этом месте задают вопросы про налоги.

Это меня добило.

Я не знаю, сколько это продолжалось. В конце концов я вытерла лицо рукавом халата. Он протянул мне платок. Платок был белый, глаженый, с монограммой. Я высморкалась в него со всем чувством, которое у меня было, и протянула обратно. Он взял его двумя пальцами и не поморщился. Я

это заметила.

- Вы сумасшедший, - сказала я снизу, с асфальта, и вдруг услышала в своём голосе что-то почти человеческое. - Вы вообще понимаете, что вы больной? Вы сидели пять часов на жаре с указкой, чтобы предложить мне… мне! Единорогу без работы! Да я вас видела один раз, вы мне были отвратительны!

- Это отражено в слайде пять, - сказал он. - Риск межличностной неприязни. Я считаю его управляемым. Нам не обязательно нравиться друг другу. Послушайте, Софья Романовна. Дело не в том, что я вам нравлюсь. Вы подходите, потому что Тимофей завязал вам хвост. Я восемь дней нанимал людей с дипломами, он даже не повернул головы. Я прошу вас назвать сумму. Любую. Я не торгуюсь.

И вот тут всё кончилось. Смех ушёл, как вода из раковины, с тем же самым звуком.

Я поднялась. Отряхнула халат. Была я ему примерно по плечо.

- Вы знаете, что я делаю на шестом этаже? - спросила я. - Там ребёнок сегодня уснул с шашкой в руке. А я каждый четверг ему проигрываю. За это мне платят семь тысяч в месяц, и я этих денег стыжусь. А вы говорите мне: "Назовите сумму". Все вы говорите одно и то же. У вас, наверное, один курс лекций на всех. Вы посмотрели на трёх детей и нашли "фактор риска". Я не продаюсь, Олег Викторович. Мальчика мне жалко. Вас мне не жалко. Закройте свой ноутбук, по-

ка никто не увидел, и найдите себе манекенщицу, у вас на слайде их две.

Он ничего не сказал. Он стоял на солнце, зелёный от жары, и держал мой мокрый платок. Он медленно закрыл ноутбук. Потом посмотрел мимо меня, на здание с шестью рядами окон, на двери приёмного покоя, и я увидела, как у него на шее дёрнулся кадык.

- Двадцать восемь тысяч переведу на карту, - сказал он. - Это не предложение. Это задолженность.

Я пошла к дверям. Шла и злилась, что мне хочется обернуться. Не обернулась.

Гуля ждала у окна.

- Ну? - спросила она.

- Сделал предложение, - сказала я. - С указкой.

Гуля открыла рот. Потом закрыла. Потом посмотрела в окно, где серая машина всё ещё стояла на месте, хотя ноутбука на капоте уже не было.

- И зубы свои, - сказала я и снова почувствовала, как у меня под рёбрами начинает болеть. Только теперь это почему-то был совсем не смех.

* * *

В субботу я поехала к маме на работу.

Я делаю так иногда, если удаётся. Прихожу к концу смены, встаю у выхода и помогаю ей донести до дома её саму. "Пятёрочка" на Лётной пахла мокрым картоном. Мама сидела на третьей кассе, очень прямая, с аккуратно подколо-

тыми волосами и бейджиком "Галина". У неё тридцать лет был свой кабинет с геранью и шестнадцать подчинённых, и её боялись директора автобусных парков. Сейчас она проводила над сканером кефир.

Перед кассой стояли двое мужчин. Без покупок. Один большой, в чёрной кожаной куртке, несмотря на жару, другой поменьше, с папкой.

Я не сразу поняла. Сначала я подумала, что это просто покупатели, которые передумали. Потом я услышала. Большой говорил не очень громко, но так, чтобы его было хорошо слышно всей очереди.

- Галина Петровна, мы просто напоминаем. Четыре миллиона восемьсот семьдесят, это ж вы брали. Нехорошо брать и не отдавать. Люди вот стоят, люди-то работают. А как вашей дочке с такой мамой на работу устроиться? Мы и с дочкой поговорим. Она ж у вас артистка, детишек развлекает, да?

Очередь смотрела на мою маму. Женщина с тележкой отвела глаза. Какой-то парень в наушниках снял один наушник. Мамины пальцы всё так же поднимали пакет кефира, и подносили к сканеру, и пакет всё не пикал, и она поворачивала его штрихкодом, очень аккуратно, снова и снова, и ни один мускул на её лице не шевелился. Я видела только, как медленно, от самого воротника, вверх по шее поднимается красное пятно.

Я не помню, как перелезла через ограждение у касс.

- Вы кто? - спросила я. - Вы кто такие? Предъявите документы. Я сейчас вызову полицию. Закон о взыскании, не чаще одного раза в неделю, на работе нельзя, по адресу нельзя, вы кто, а?

Большой посмотрел на меня без всякого выражения, как смотрят на муху.

- О, - сказал он. - А вот и дочка.

Маленький что-то пометил у себя в папке, и они не торопясь пошли к выходу. У рамки большой обернулся и подмигнул.

Мы дошли до дома молча. Мама шла очень ровно. На лестнице у неё подвернулась нога, и она на секунду схватилась за мою руку, и я чуть не закричала от того, какая у неё лёгкая рука. В комнате она сняла туфли, поставила их носками к стене, надела очки и открыла амбарную книгу. Записала: "Кефир 2,5 % - 89 р. 90 к." Потом посмотрела на эту запись. Ручка в её пальцах задрожала. Она положила её параллельно краю стола.

- Поешь, - сказала мама. - Там макароны.

Я вышла на балкон. Двадцать один день. Две недели я обзванивала всех подряд, от детских садов до турагентств. Я предложила себя в качестве зайца на выписку из роддома. Ассоциация работала хорошо. На моём счету было сорок восемь тысяч двести рублей, и двадцать восемь из них пришли позавчера с пометкой "задолженность".

Телефон зазвонил в половине девятого. Номер был тот са-

мый, высоко над землёй. Я смотрела на него пять гудков. Потом нажала, чтобы высказать ему всё.

Сначала в трубке было только дыхание. Сосредоточенное, с присвистом, очень близко к микрофону. Потом что-то стукнуло, и послышался голос.

- Нос, - сказала трубка. - Ты когда умрёшь?

Я села на табуретку. Внизу лаяла собака.

- Здравствуй, Наташа, - сказала я. - Пока не знаю. А кто тебе дал телефон?

- Я сама. Викторыч спит на кресле. У него рот открыт. Нос. Где про ботинок?

- Что?

- Шутка, - сказала она с упрёком. - Про ботинок. Ты сказала, следующая.

Я закрыла глаза.

Правило номер четыре. Единственное, что клоуну разрешено обещать.

Я обещала её в шестьсот сорока палатах. Я за пять лет ни разу не обманула ни одного ребёнка с шестого этажа. Некоторые из них не дожили до следующего четверга, но я приходила и рассказывала шутку их пустой кровати, тихо, чтобы никто не слышал, потому что я обещала.

- Она ещё не готова, - сказала я хрипло.

- Готовь, - велела Наталья Андреевна Рябинина. Что-то зашуршало, и связь прервалась.

* * *

Шутку про ботинок я рассказала в воскресенье, в одиннадцать утра, на пятьдесят восьмом этаже. Я не буду её здесь приводить. Там участвовали ботинок, рыба и один очень глупый таракан. Наташа сидела у меня на колене, смеялась хрипло и вдумчиво и потребовала повторить трижды. Мальчик сидел на полу, спиной ко мне, и не смотрел. Но когда я закончила, он, не поворачиваясь, протянул руку и подвинул мне по полу карамельку "Дюшес".

Самого хозяина дома не было видно, и я этому только порадовалась. Я поцеловала Наташу в макушку и пошла к лифту. Варя стояла в прихожей. В руке у неё была папка. Она показала глазами на дверь и вышла со мной на площадку.

Мы стояли у панорамного окна в лифтовом холле. Она была почти одного роста со мной. Сквозь стекло было видно, как далеко внизу ползёт прогулочный кораблик.

- Я читала вашу презентацию, - сказала Варя. - Он не ставит паролей. Ужасная презентация. Слайд семь - это позор. Вот. - Она протянула мне папку. - Это заявление моей тёти. Страница три, внизу. Он выделил.

Я прочитала. Я читала это на площадке, у окна, и слова были сухие, мелкие, а в них лежал маленький мальчик, который пять минут назад подвинул мне карамельку. "Дальнейшее пребывание". "Интернатного типа". Я видела такие места. Мы ездили туда с Борисом Яковлевичем два раза, на Новый год. Третий раз я не поехала.

- Я вас не прошу, - сказала Варя. Голос у неё был ровный,

но как будто натянутый, она держала его двумя руками. - Вы мне вообще не нравитесь. Мне никто не нравится, это не про вас. Вы правильно его послали, я бы тоже послала. Он шут, и он не умеет с детьми, и он посылал мне конверты. Просто я посчитала. Больше никого нет. Он за неделю удалил свою таблицу, отменил Цюрих и не спит. Я не знаю почему, но я проверила, я смотрела его почту. И Наташа спит, когда вы рядом, а Тим… - Она запнулась в первый раз. - Что у вас на сумке?

Я посмотрела. На ручке клетчатой сумки висел тот самый маленький белый узел с петлёй. Я его так и не развязала. Я неделю таскала его с собой и уже привыкла.

- Не знаю, - сказала я. - Он сам появился. Хотела вас спросить.

Варя протянула руку. Подержала узел в пальцах. Я увидела, как у неё изменилось лицо. Что-то тронулось в нём, как лёд, и она быстро, очень быстро отвернулась к стеклу. Я успела заметить, что у неё покраснел кончик носа.

- Это булинь, - сказала она в окно. - Беседочный узел. Папа называл его королём. Им обвязывают человека, когда вынимают из воды. Он не затягивается на теле и не развязывается сам, пока ты его сам не отпустишь. Папа Тима учил с трёх лет. Говорил: кому завяжешь этот узел, тому доверяешь свою жизнь. Тим вяжет все узлы, какие есть, он на шторах вяжет. А этот он завязал за всю жизнь только один раз. Папе. На поясе. Седьмого мая утром.

Лифт за моей спиной приехал, открылся, подождал и закрылся снова.

Прогулочный кораблик внизу дал маленький гудок. До нас он долетел как писк комара.

Я стояла. Я держала в руках заявление, папку, сумку с единорогом, и у меня внутри, под рёбрами, где три дня назад было так смешно, медленно проворачивалось что-то большое и очень тяжёлое. Двадцать один день. Мама поднимает кефир. Я ненавижу богатых. Я ненавижу этого человека с его указкой. Клоун не обещает. Я никому никогда ничего не буду должна, я поклялась, я сказала это папе, когда мы закапывали его в мёрзлую землю.

- Где он? - спросила я.

- Кто?

- Жених.

* * *

Он был в кабинете. Сидел за столом, без пиджака, небритый, рядом с остывшим кофе, и что-то писал от руки. На кресле у окна валялась подушка. Увидев меня, он встал. Я закрыла за собой дверь и постучала по ней изнутри, потому что забыла постучать снаружи.

- Четыре миллиона восемьсот семьдесят тысяч рублей, - сказала я.

Он не шелохнулся. Только глаза за стёклами очков очень медленно сузились, и я впервые поняла, почему его боятся.

- Простите?

- Вы просили назвать сумму. Четыре миллиона восемьсот семьдесят тысяч. Половину сразу, остальное в конце. Не мне. На счёт, который я укажу. И ни рублём больше. Вы слышите? Ни одним рублём. Ни подарков, ни шуб, ни "задолженностей". Мне от вас не нужно больше ничего, ни сейчас, ни потом.

- Почему столько? - спросил он негромко.

Он не обрадовался. Я ждала, что он улыбнётся этой своей половиной рта, что скажет "вот и всё, у всех есть цена". Вместо этого он наклонил голову и смотрел на меня с таким острым, холодным, совершенно профессиональным любопытством, с каким, наверное, смотрел на чужие балансы.

- Не ваше дело.

- Люди называют круглые суммы, - сказал он, как будто сам себе. - Пять. Десять. Просят больше, чем нужно. Точную сумму называют только те, кому надо заплатить.

- Я сказала, не ваше дело. Это первое условие. Второе. Никаких нянь. Третье. Вы будете завтракать с детьми. Каждый день. Четвёртое. Четверг мой, что бы ни случилось, хоть совет директоров, хоть потоп. Пятое. Вы стучите. В любую дверь в этом доме, даже в открытую, даже в детскую, особенно в детскую. Шестое. Мы им не врём. Ни о чём, кроме этого. Если Наташа спросит, умрёт ли она, вы не скажете ей, что нет. Седьмое. Я буду спать в комнате рядом с ними, и, если вы подойдёте к этой комнате ближе чем на три метра с чем-нибудь, кроме конца света, я откушу вам палец. Наташа

покажет как.

- Записываю, - сказал он. Он и вправду записывал, быстро, мелким почерком, на листе, который только что лежал перед ним. Угол рта у него дрогнул. - Что-нибудь ещё?

- Да, - сказала я. Меня трясло. Я не знала отчего. Я подошла к столу, взяла у него из пальцев ручку и сама написала внизу листа, большими кривыми буквами, очень сильно нажимая: "НЕ ВЛЮБЛЯТЬСЯ". - Вот. Это на всякий случай. Чтобы вы не подумали, что можете купить ещё что-нибудь. Я вас терпеть не могу. И это тоже запишите.

Он посмотрел на лист. На слова. Посмотрел на меня, долго, поверх очков. Было очень тихо. За дверью прошлёпали босые пятки.

- Принято, - сказал Олег Ледовский. - Без возражений.

Он обошёл стол и протянул мне руку. Ладонь у него была сухая и очень холодная, хотя в комнате было жарко. На большом пальце белел шрам от маленьких зубов.

- Вы знаете, что я всю жизнь считал себя лучшим переговорщиком в этом городе? - сказал он. - Вы только что выбили из меня условия за четыре минуты. Поздравляю вас, Софья Романовна. Кажется, мы помолвлены.

Я выдернула руку и вышла.

В лифте у меня было сорок две секунды. Этого не хватило.

Глава 7. Сорок три страницы

Олег

Пункт 7.3: "Стороны обязуются не влюбляться. Ответственность за нарушение настоящего пункта: позор".

Я позвонил Зое Павловне в понедельник, в восемь утра, потому что понял: она берёт трубку в любое время, как и я.

- Зоя Павловна, я женюсь.

В трубке булькнуло. Потом долго ничего не было. Где-то на заднем плане скрипнули колёсики, и хлопнула дверь.

- На ком? - спросила она.

- На Софье Романовне Жаровой, двадцать семь лет. Вы с ней не знакомы. Дети знают её и… положительно к ней относятся.

- Это которая рыбу привезла?

Я отнял телефон от уха и посмотрел на него. Потом приложил обратно.

- Откуда вы…

- От старшей. Я с ней созваниваюсь по средам. - Опять пауза. Я очень ценю людей, которые умеют держать паузу, и никогда не думал, что буду их бояться. - Быстро вы, гражданин Ледовский. На той неделе таблицу делали, а сегодня жених. Любовь, значит.

- Внезапная, - сказал я.

- Ну-ну, - сказала Зоя Павловна. - Заявление в ЗАГС пода-

вайте по особым обстоятельствам, справку я вам дам, у меня есть такая форма. Совет двадцать второго. Я приеду посмотреть на вашу любовь. Вы там завтракаете вообще, или как?

И положила трубку.

Я немного посидел. На столе передо мной лежал лист с условиями, и внизу стояли кривые большие буквы, продавившие бумагу насквозь. Я разгладил его ладонью.

Четыре миллиона восемьсот семьдесят тысяч.

Я занимаюсь деньгами одиннадцать лет. Я могу сказать про человека всё, если посмотрю, как он называет сумму. Жадные называют много и смотрят в сторону. Робкие называют мало и смотрят в пол. Шантажисты называют круглое. Человек, который смотрит тебе в глаза, бледный от бешенства, и называет цифру с точностью до десяти тысяч, запрещая прибавлять к ней даже рубль, - это очень редкий случай. Такой человек не хочет денег. Такому человеку выставили счёт.

Это было не моё дело. Она так и сказала, это было первое условие. Я подчеркнул его на листе.

Ни в какой другой ситуации это меня бы не остановило. Но на листе стояло слово "первое", а я никогда не нарушал условий сделки. Это, пожалуй, единственная моя добродетель. Через два дня она прислала реквизиты для аванса. Получателем оказался не банк и не она сама, а общество с ограниченной ответственностью "Вектор-Актив". Я знаю таких "Векторов". Я продавал им наши плохие долги пачками, по

четыре копейки за рубль.

Я перевёл два миллиона четыреста тридцать пять тысяч. Посмотрел на название ещё несколько секунд и закрыл вкладку.

Мне следовало прочитать эту сорок третью страницу тогда. Но об этом потом.

* * *

Контора Льва Матвеевича Шубина располагалась на третьем этаже старого дома в Трёхпрудном, над аптекой. Вывески не было. Там стоял запах пыли, клея и чего-то очень старого, как будто здесь хранили не бумаги, а самое время. За тридцать лет через эту комнату прошло больше тайн, чем через Лубянку. В углу тикали напольные часы. Шубин сидел за столом, похожим на надгробие, и не вставал, потому что вставание занимало у него слишком много времени.

Она опоздала на четырнадцать минут. Пришла не одна.

Я видел в своей жизни адвокатов из "Бейкер и Макензи". Я видел юристов, которые берут две тысячи долларов в час и приезжают с ассистентом, который носит за ними карандаш. Но я ещё не видел, чтобы контрагент явился на подписание брачного договора с маленькой круглой татаркой в розовых кроксах, которая села рядом с ней, положила на стол пакет с пирожками и уставилась на Шубина немигающим взглядом ястреба.

- Это мой юрист, - сказала Софья Романовна. Волосы у неё были собраны карандашом. На ногах были кеды, а из кедов

выглядывали один жёлтый и один клетчатый носок. - Гульнара Рашидовна.

- Я медсестра, - сказала Гульнара Рашидовна. - Но я двадцать лет читаю, что написано на ампулах. Там тоже мелким шрифтом. Кто тут главный? Вы? Ешьте пирожок, а то у вас цвет лица плохой. Печень?

Шубин открыл второй глаз.

Я знаю этого человека с детства. Он видел смерть трёх партнёров, два дефолта и развод моего дяди. Ни разу за все эти годы я не видел, чтобы лицо его двигалось. А тут я увидел, как в глубине морщин произошло какое-то тектоническое смещение, и старая черепаха протянула сухую лапу и взяла пирожок.

- С капустой? - осведомился он скрипучим голосом.

- С капустой. Желчный у вас тоже так себе, - сказала Гуля.

После этого переговоры пошли как-то не так, как я планировал.

Документ называется "Договор о совместном ведении семейной жизни". Шубин написал его за четыре дня, от руки, а потом секретарша семидесяти восьми лет перепечатала его на машинке, потому что Лев Матвеевич не доверяет ничему, что можно взломать. Экземпляра было два. Он положил их на стол. Даже мне, человеку без предрассудков, стало не по себе от вида этой толстой стопки бумаги.

- Сорок три страницы, - сказал он.

Я заметил, что Софья Романовна быстро взглянула на ме-

ня. Я не понял почему.

Мы начали в одиннадцать.

- Пункт 2.4, - читал Шубин. - "Сторона 1 завтракает с детьми".

- Каждый день, - сказала она.

- Шесть утра Сингапур, - сказал я. - У меня бывают закрытия, у меня бывают командировки. Два раза в неделю.

- Каждый день.

- Три.

- Вы торгуетесь завтраками?

- Я торгуюсь всем, Софья Романовна, это физиологическое. Четыре раза в неделю, и если пропускаю, то плачу штраф. Десять тысяч рублей за завтрак.

- Кому?

Я открыл рот. Я не подумал кому.

- Наташе, - сказала она. - В банку. На чёрный день. Пишите.

- "Штрафы поступают в банку Наташи", - записал Шубин.

Пункт 3.2 устанавливал, что она не обязана мне улыбаться. Этот пункт вписала она, и я не возражал, в её исполнении это выглядело вполне логично. Пункт 4.1 определял размещение Сторон: Сторона 2 занимает комнату рядом с детскими, Сторона 1 занимает спальню, супружеские обязанности не предусмотрены. Шубин зачитал это таким голосом, будто объявлял о снятии с торгов партии цемента. У неё порозовели уши.

- Пункт 4.2, - продолжил он. - "В присутствии органов опеки, родственников и иных заинтересованных лиц Стороны демонстрируют взаимную привязанность".

- Это как? - спросила она.

- Держитесь за руки, смотрите друг на друга, называете друг друга уменьшительными именами. Целуетесь, - проскрипел Шубин.

В кабинете стало тихо, только часы тикали. Гуля перестала жевать и с интересом посмотрела сначала на меня, потом на мою невесту. Я не знаю почему, но мне вдруг стало трудно найти, куда деть ручку.

- Сколько? - спросила Софья Романовна. Её подбородок поднялся примерно на сантиметр.

- Простите?

- Сколько целуемся? По времени. Вы же любите цифры.

- Я провёл небольшое исследование, - сказал я. Я действительно провёл его вчера ночью, и это была одна из самых странных ночей в моей жизни. - Средний поцелуй супругов со стажем на людях составляет ноль целых восемь десятых секунды. Но мы молодожёны. Для правдоподобия рекомендую от трёх секунд.

- Две, - сказала она.

- Две секунды выглядят так, будто вы проверяете мне температуру.

- Я и проверяю. Может, вы уже остыли.

- Три, - сказал Шубин, не поднимая глаз, и что-то напи-

сал. - Не более. По предварительному согласованию. Давайте дальше, у меня сердце.

Пункт 5.1: "Дети важнее совещаний". Он был у меня в листе условий, и я не ожидал, что увижу его напечатанным. На машинке это выглядело как закон природы. Пункт 5.3 запрещал лгать детям, кроме как о сущности договора. Мы дошли до него к двум часам, и пирожки уже кончились. Софья Романовна положила на пункт палец с обкусанным ногтем.

- Допишите, - сказала она. - Пять четыре. "Стороны не лгут друг другу".

- Стороны всё-таки заключают фиктивный брак, - заметил я. - В этом есть определённая ирония.

- Нет, - сказала она и посмотрела на меня. Очень прямо. Глаза у неё были цвета крепкого чая. - Вот им мы лжём. Опеке. Всем. Я за это отвечу, я знаю. А друг другу нет. Мне нужно знать, с кем я сплю в одной квартире. И допишите: "Умолчание приравнивается ко лжи".

Шубин поднял на меня один глаз.

Мне стало любопытно. Обычно вносят поправки, которые защищают от другой стороны. Эта поправка защищала от чего-то другого. Как будто её однажды уже обманули вот так: не сказав.

- Без возражений, - сказал я.

Тогда я и вправду думал, что мне нечего от неё скрывать. Я записал это на полях. Я храню этот экземпляр и иногда на него смотрю.

В четыре часа мы добрались до седьмого раздела. Я к этому моменту снял пиджак. Гуля ушла на смену, поцеловав Шубина в лысину и велев ему меньше жирного. Он после этого минуты две не мог найти очки.

- Пункт 7.3, - прочитал он. Откашлялся. Посмотрел на лист так, как смотрел бы на таракана в бульоне. - Этот пункт я перенёс из листа условий дословно, по настоянию сторон. Обязан предупредить. Чувство не является предметом гражданско-правового договора. Этот пункт ничтожен, он не имеет никакой юридической силы и в суде вызовет только смех. Предлагаю исключить.

- Оставьте, - сказала Софья Романовна. Она шутила, когда писала это. Это было видно: она усмехнулась, щербинка блеснула. Просто ей хотелось меня уколоть ещё раз.

Я посмотрел на эти два слова. Я не знаю, что на меня нашло. Я человек, который смеётся в любой ситуации. Но я подумал, что за тридцать три года я не влюбился ни разу и что на этой строке лежит единственное условие контракта, которое мне гарантированно ничего не будет стоить.

- Оставьте, - сказал я серьёзно. - Это хороший пункт.

Она подняла на меня глаза. Усмешка немного задержалась на её лице и ушла, будто не нашла, куда деться.

- Какова ответственность за нарушение? - сухо спросил Шубин. - В договоре полагается указать. Неустойка, штраф?

Мы с ней посмотрели друг на друга.

- Позор, - сказала она.

Лев Матвеевич Шубин тридцать лет вёл дела семьи Ледовских. Он обмакнул перо и каллиграфически вывел на полях: "Ответственность: позор".

* * *

На четырнадцатой странице случился Аудит.

Я привёз его с собой, потому что дома был карантин: Гриша красил балкон, а Наташа уже укусила кисть. Такса спала под столом. Когда мы вернулись из соседней комнаты, где Шубин принимал лекарство, на полу лежало то, что совсем недавно было листами с двенадцатого по четырнадцатый первого экземпляра. Аудит лежал рядом, положив морду на лапы, и смотрел в сторону с лицом инспектора, который ничего не видел. У него изо рта свисала "Сторона 2 вправе".

- Он находит всё, - пояснил я.

- Он съел имущественный раздел, - сказал Шубин. Голос у него не изменился, но мне показалось, что он слегка осел в кресле. - Его перепечатывать неделю.

Софья Романовна присела на корточки. Она посмотрела на таксу, такса посмотрела на неё. Потом протянула руку ладонью вверх, но не дотронулась, просто подержала рядом. Постучала по полу двумя пальцами.

- Можно? - спросила она у собаки.

Аудит подумал, вздохнул и положил седую морду ей на ладонь. На меня он за девять лет не посмотрел с таким выражением ни разу.

- Коллега, - сказала она ему тихо. - Вы совершенно правы. Отвратительный раздел.

Она смеялась, почти беззвучно. Карандаш выпал, волосы рассыпались, и вечернее солнце, которое как раз дотянулось до этого окна в первый раз за четверть века, попало на них, и вся эта старая пыльная комната вдруг наполнилась каким-то медным светом. Я стоял с жёваной бумагой в руках. Я посмотрел, сколько сейчас времени. Я не помню, что показывали часы.

Со второго экземпляра мы всё переписали от руки. Это заняло ещё час.

Потом она сказала, что будет читать.

- Мы всё прочитали, Софья Романовна, - сказал я. - Пункт за пунктом. Семь часов.

- Вы мне читали. А я буду читать сама.

Она взяла стопку и села с ней на подоконник. Поджала ноги в разных носках и начала с первой страницы. Шевелила губами. Сгибала уголки. Сосала карандаш. Я смотрел на неё и думал, что за одиннадцать лет не встречал контрагента, который по собственной воле прочитал бы договор целиком. Ни один банкир. Ни один министр. Именно поэтому я всегда выигрываю.

- Зачем? - спросил я через сорок минут. Шубин за столом, кажется, спал.

Она не подняла головы.

- Мой отец однажды подписал договор и не прочитал, -

сказала она. - Он доверял людям. Хороший был договор. Двенадцать страниц.

Больше она ничего не сказала. Перевернула лист.

За окном темнело. Я заварил чай на шубинской плитке. Она дочитала в половине десятого. Я увидел, как она дошла до конца, вздохнула, потёрла глаза. На сорок третьей странице были только реквизиты и две пустые строки для подписей. Над ними оставалось немного свободного места, сантиметра четыре.

Она посидела, глядя на этот лист. Потом вдруг посмотрела на меня.

- Мне Варя сказала, вы всем говорите, что читаете сорок третьи страницы. Это такая ваша фраза.

- Это метафора. Где-то на сорок третьей странице всегда лежит то, что от тебя хотели спрятать. Обычно это мелкий шрифт.

- Понятно. - Она слезла с подоконника. Подошла к столу, положила лист на сукно и вынула изо рта карандаш. Потом передумала, взяла со стола перо Шубина, обмакнула его и наклонилась. Прядь упала ей на лицо, она сдула её. Она писала долго и старательно, как пишут дети в прописях. Перо скрипело. Потом подвинула ко мне лист и отошла.

Я надел очки.

Там было написано крупным неровным почерком, без наклона, с кляксой на конце:

"Если этот договор и дети когда-нибудь окажутся по раз-

ные стороны, договор считается проигравшим".

Я перечитал. В комнате тикали часы. Шубин приоткрыл один глаз, потянулся, медленно развернул лист к себе и изучил его. Я ждал, что он скажет то, что должен сказать. Он пожевал губами.

- Юридически это ничего не значит, - проскрипел он. - Что значит "проигравшим"? Нет такого термина. Я не могу это заверить. Это бессмыслица.

Я смотрел на слово.

Я вырос в доме, где оно было запрещено. Отец не повышал голоса, не бил нас, он просто произносил свою формулу за обедом, между супом и вторым, с тем же выражением, с каким отмечал галочкой пункт в повестке. Ледовские не проигрывают. Двадцать лет моей жизни были построены вокруг этих трёх слов, как башня вокруг лифтовой шахты. А маленькая рыжая женщина, которая меня презирала и которой я заплатил за год жизни, только что написала его пером на моём договоре, поставила кляксу и смотрела теперь на меня, скрестив руки на груди, и ждала, что я буду торговаться.

- Вы ведь понимаете, что это нельзя исполнить? - спросил я.

- А мне и не надо, чтобы это исполняли, - сказала она. - Мне надо, чтобы вы это подписали.

Я снял колпачок с ручки. Это была та самая ручка, которой я подписывал Южный квартал. Подписал. Поставил ря-

дом инициалы, ещё раз, как положено, и дату. Потом поставил под её словами маленькую приписку и развернул к ней лист:

"Согласовано. О. Л."

Она посмотрела. Я видел, что она этого не ожидала. Она быстро расписалась сама, большой размашистой закорючкой, потом взяла свой экземпляр, прижала к груди и вдруг, в первый раз за весь этот бесконечный день, посмотрела на меня без всякой брони, как смотрят на незнакомого человека на перроне.

- Вы правда читаете всё, что подписываете? - спросила она тихо.

- Всегда.

- Хорошо, - сказала она. - Тогда до пятницы, Олег Викторович. Постарайтесь не умереть. Наташа будет разочарована.

Каблуков у неё не было. Кеды не стучат. Она ушла, и я услышал только, как внизу хлопнула дверь аптеки.

Мы посидели. Шубин вынул из ящика стола крошечную рюмку, налил себе что-то тёмное из аптечного пузырька и выпил. Мне он не предложил. Он знал. Он, оказывается, тоже всегда знал.

- Я подготовил одиннадцать таких договоров, - сказал он. - Десять человек прочитали первую страницу и попросили показать, где подписать. - Он закрутил пузырёк. Старый пергаментный палец постучал по стопке. - Берегитесь её, Олег Викторович. Это самый опасный контрагент, которого я ви-

дел со времён вашей матери.

Я посмотрел на него. Я не слышал, чтобы о маме говорили в этом кругу вслух лет двадцать.

- Что вы имеете в виду?

Но он уже закрыл глаза. Часы пробили десять.

Отчёт № 4.

Получатель: Рябинин А. С.

Период: с 8 по 12 июня.

Заключён договор на 43 страницы. Контрагент прочитал все.

Обязательства: завтраки, стук в двери, правда (пункт 5.4), три секунды.

Риски: 7.3 считаю нулевым.

Прочее: твой сын вчера посмотрел на меня четыре секунды подряд. Рекорд. Твоя дочь спросила, сколько стоит невеста. Я сказал, что это конфиденциально. Она сказала, что и так знает порядок цифр, и посоветовала проверить, вычитается ли это из налоговой базы.

Как ты думаешь, я буду гореть в аду? Если да, сообщи заранее, надо закрыть квартал.

Статус: доставлено. Одна галочка.

Глава 8. Горько

Соня

Пункт 4.2: "В присутствии органов опеки, родственников и иных заинтересованных лиц Стороны демонстрируют взаимную привязанность. Поцелуй: не более трёх секунд, по предварительному согласованию".

Маме я сказала, что нашла работу.

Это было правдой, и я очень этим гордилась. Я сказала: "Мам, у меня контракт на год. В частной семье. Трое детей, с проживанием. Очень хорошие деньги". Мама посмотрела на меня поверх очков, потом на письмо из "Вектор-Актива", в котором сообщалось, что половина долга погашена и что взыскание приостановлено. Она проверила цифры. Сложила письмо вдоль и поперёк. Потом сказала:

- Соня. За что столько платят?

- За то, что я умею падать, - сказала я.

Мама у меня главбух. Она ничего не сказала. Только когда я уезжала с клетчатой сумкой, она положила мне туда банку огурцов и задержала мою руку в своей немного дольше обычного. Больше она никогда не спрашивала. Я иногда думаю, что это было самое страшное.

Гуле я сказала всё. Борису Яковлевичу не сказала ничего, но он посмотрел на меня в стетоскоп, вздохнул и сообщил, что у меня кривая пуговица на сердце.

В пятницу, девятнадцатого июня, в десять сорок утра, я стояла в коридоре районного загса, в платье, которое взяла напрокат у Гули. Гуля выше меня только в ширину, поэтому сзади платье держалось на английской булавке. Платье было голубое, в мелкий цветочек. На ногах у меня были белые кеды и два носка: один белый с кружевом и другой белый с Микки-Маусом. Я считаю, что к случаю. Карандаш мне заменили шпилькой, и голова от этого чесалась.

В руках я держала букет. Его мне вручила Наташа, и он состоял из трёх одуванчиков, которые она собрала на газоне у загса, и рыбы.

- Нос, - сказала она, глядя на меня снизу. Её с трудом удалось уговорить надеть поверх тельняшки вязаную кофточку. - Ты теперь кто?

- Я теперь жена Викторыча, - сказала я. - Понарошку и по-настоящему одновременно. Это очень сложно, потом расскажу.

Условие номер шесть. Детям не лгать. Мы с ним битый час обсуждали, как сказать детям. В итоге он сел на корточки перед Наташей, и у него щёлкнули колени, и сказал: "Наталья, я женюсь на Носе, чтобы вас никто от меня не забрал". Это была чистая правда, и Наташа одобрила. Мальчик посмотрел на него, посмотрел на меня и вернулся к верёвке. Варя только спросила, не забыли ли мы подать в налоговую новые данные.

По коридору прошла чужая невеста, в кринолине, с по-

дружками, с визгом и с шампанским. Посмотрела на мои кеды и отвела глаза. Я её понимаю. Я вообще всех понимаю. Я стояла в этом коридоре, пахнущем лаком для волос и пылью от ковровой дорожки, и думала о том, что мне двадцать семь лет, что я никогда не собиралась замуж, что папа хотел вести меня за руку. Он как-то сказал, что возьмёт для этого отгул. И что в комнате в Мытищах сейчас на столе стоит его фотография, и он на ней улыбается, потому что не знает.

Шпилька упиралась мне в затылок.

Лифт в конце коридора открылся, и оттуда вышли Ледовские.

Нет, я слышала, конечно. Варя показала мне их фотографии из интернета. Но я видела только портреты в деловых журналах, а живьём это оказалось так, как будто на тебя едет ледокол. Первым шёл очень большой мужчина в тёмном костюме, с короткими тёмными волосами и лицом, которое как будто высекли зубилом, а потом кто-то случайно заставил его улыбнуться, и оно ещё не решило, как к этому относиться. На руках у него сидел черноглазый мальчик лет пяти в галстуке-бабочке и с жёлтым уровнем под мышкой. Рядом, держа ладонь на круглом животе, шла светловолосая женщина в простом сером платье. Она показалась мне самой спокойной из всех, кого я видела за этот месяц. Чуть сзади, бесшумно, держась у стены, скользил молодой мужчина с короткой стрижкой и совершенно неподвижным лицом, и я заметила, как его глаза сделали один круг по коридору: выхо-

ды, окна, руки.

За ними шёл старик.

Я сразу поняла, кто это. Он был очень прямой, и прямота эта стоила ему дорого. Он шёл медленно, с палкой, рядом с шофёром, не принимая его руки, сухой, почти прозрачный, в безупречном костюме, который стал ему велик. Глаза за толстыми стёклами были светлые и очень старые. Они прошлись по мне от шпильки до кедов. Задержались на носках. Я прожила на свете двадцать семь лет. Меня выгоняли с лужаек и угрожали коллекторами. Я никогда ещё не чувствовала себя так, будто меня взвесили на весах и записали результат в книгу.

Я подняла подбородок на сантиметр и улыбнулась самой щербатой из своих улыбок.

В углу его рта ничего не дрогнуло. Но он еле заметно наклонил голову. Как будто я только что сделала ход, которого он не ждал.

- Это твоя жена? - громко спросил черноглазый мальчик. - А почему она рыжая? А у неё рыба. Пап, у неё рыба!

- Дима, - сказала светловолосая женщина. - Здравствуйте, Соня. Я Оля. Вы очень красивая, и у вас булавка расстегнулась. Повернитесь, я застегну.

Руки у неё оказались прохладные и твёрдые. Она застегнула булавку, и я почувствовала, как её пальцы на секунду задержались у меня на лопатке и слегка сжали.

- Дышите, - сказала она мне на ухо, очень тихо. - Они не

кусаются. То есть кусаются, но только друг друга. Я пять лет пряталась от этой семьи, потом вышла за неё второй раз. Если вам что-нибудь понадобится, чай или убить кого-нибудь, вот мой телефон.

Что-то сунулось мне в ладонь под букетом. Сложенная салфетка. На ней карандашом был нарисован маленький, смешной, очень точный единорог и номер телефона.

Вот тут я впервые за весь день чуть не заплакала. Никакого лифта поблизости не было.

- А где жених? - спросил большой мужчина.

Хороший вопрос. Мы все посмотрели на часы. Было десять пятьдесят две. Регистрация была назначена на одиннадцать. Варя, стоявшая у окна в чёрном платье, больше подходящем для прощания с вождём, молча показала на телефон, потом постучала ногтем по экрану.

- Он отправил сообщение в десять двадцать, - сказала она. - "Застрял на бондах, еду". В десять сорок: "Выехал". Если учесть пробку на Садовом, у него есть шанс опоздать на собственную свадьбу на девять минут. Я думаю, это будет штраф.

Брат жениха прикрыл глаза. Я увидела, как у него слегка дрогнули плечи.

- Девять минут, - сказал он своей жене. - Он пунктуален.

Двери лифта открылись в десять пятьдесят девять. Он бежал. Я никогда раньше не видела, чтобы он бежал. Галстук у него сбился, в руке был телефон, а другой рукой он пытался

застегнуть манжету. Рядом с ним бежала крепкая пожилая дама с каменным лицом и папкой. Он остановился передо мной, тяжело дыша. Волосы торчали. На нём был тёмно-серый костюм, вероятно, стоивший как наша с мамой годовая аренда, и в этом костюме он выглядел как очень дорогой, только что выловленный из пруда журавль.

- Софья Романовна, - сказал он, задыхаясь. - Вы прекрасно выглядите. У вас рыба.

- У вас галстук с узлом, - сказала я.

На галстуке посередине сидел маленький аккуратный узелок. Он дотронулся до него пальцем и почему-то смутился.

- Да. Новый. Сегодня утром на ручке двери висел. Я решил… - Телефон у него в руке завибрировал. Он посмотрел на экран и нажал на ответ раньше, чем я успела моргнуть. - Да. Ледовский. Да. Нет. Перезвоню… - Он вдруг осёкся. Что-то странное прошло по его лицу. Он закрыл глаза на долю секунды. - Нет, - сказал он в трубку другим голосом. - Я слушаю. Говорите. Да. Решите с Людмилой Аркадьевной. Спасибо.

И только тогда отключился.

Я смотрела на него. Он убрал телефон и увидел, что я смотрю, и в ту же секунду на лице появилась улыбка, половиной рта.

- Договор есть договор, - сказал он. - Ну что, идёмте делать глупость? Варвара Андреевна, штраф мне уже начислен?

- Опоздание к брачной церемонии договором не преду-

смотрено, - сказала Варя. - Я подготовлю дополнение.

* * *

Зал был бордовый, с золотой бахромой, с искусственными гладиолусами и портретом кого-то над столом. Сотрудница загса в платье цвета варёной свёклы набрала воздух.

- Дорогие Олег Викторович и Софья Романовна! Сегодня один из самых значительных дней вашей жизни! Вы пришли сюда, чтобы заключить союз, основанный на любви и взаимном уважении…

Я стояла рядом с ним. Он был очень высокий, и мне пришлось смотреть на женщину мимо его рукава. Рукав пах чем-то вроде кедра и бумаги. Сзади кто-то вздохнул, и я поняла, что это Наташа дышит ртом. Я чувствовала затылком, как сверлит взгляд старика. Рядом с ним на стуле стояла клетчатая сумка на колёсиках, и над сумкой возвышался седой пучок.

Она всё-таки приехала. Маленькая высохшая старуха с термосом на коленях. Она сидела в первом ряду, вместе с Ледовскими, и смотрела на меня немигающими глазами. Я ещё ни разу в жизни с ней не говорила, а уже знала о ней всё. "Я приеду посмотреть на вашу любовь".

- …спрашиваю вас, Олег Викторович. Является ли ваше желание вступить в брак искренним, свободным и взаимным?

Он чуть наклонил голову. Я услышала, как он вдохнул. На одну очень короткую секунду мне показалось, что этот

человек, который умеет смеяться в любой ситуации, сейчас скажет что-то не то.

- Да, - сказал он.

- Софья Романовна?

Я смотрела на гладиолусы. Искренним. Свободным.

Папа, не смотри.

- Да, - сказала я. Голос прозвучал как-то издалека, и эхо ответило от бордовых стен.

Мы расписались. Он подписал не глядя. Нет, я ошиблась: сначала он надел очки и быстро проглядел запись, всю, от начала до конца. Сотрудница загса посмотрела на него как на сумасшедшего. Я поставила свою закорючку. Кольца принёс мальчик.

Я не заметила, как он встал. Он вышел из первого ряда, в маленьком тёмном пиджачке, с оттопыренными ушами, и таксы при нём не было, и верёвки при нём не было. Вид у него был серьёзный и очень сосредоточенный. Он нёс перед собой на двух ладонях маленькую подушечку. Мы об этом не договаривались. Мы вообще ни о чём таком не договаривались, кольца лежали у Людмилы Аркадьевны в папке, простые, из белого золота, заказанные по таблице. Я увидела, как Олег чуть вздрогнул.

Мальчик подошёл и протянул подушечку.

На ней лежали кольца. Только они были не сами по себе. Их соединяла тонкая белая верёвочка, продетая сквозь оба и завязанная между ними таким же маленьким плотным уз-

лом, ровным, как жемчужина. Оба кольца висели на одной верёвке. И я поняла, что снять их, не развязав, будет нельзя и что этот узел можно будет развязать только вдвоём.

Я подняла глаза. Серые глаза спокойно смотрели на меня из-под светлых вихров. Потом на него.

В зале стало тихо. Сотрудница загса открыла рот и закрыла. Варя в третьем ряду медленно поднесла руку ко рту и прижала к губам костяшки пальцев.

Рядом со мной кто-то сглотнул. Я услышала это очень отчётливо. Я повернула голову. Олег Ледовский смотрел на подушечку, и улыбки у него на лице не было. Там вообще ничего не было. Такое лицо бывает у людей, которых только что сильно ударили, а больно ещё не стало.

Он снял очки. Медленно, двумя руками, положил их в карман и опустился на одно колено. Посреди бордового зала, в костюме за полмиллиона. Колено щёлкнуло. Его голова оказалась вровень с головой мальчика.

- Спасибо, Тимофей, - сказал он негромко и хрипло. - Я не умею это развязывать. Покажешь?

Мальчик посмотрел на него. Прошла, наверное, целая вечность. Потом маленькая рука с обкусанными ногтями потянула за один незаметный кончик. Узел ожил, раскрылся и упал, и кольца покатились по подушечке и звякнули друг о друга.

Мальчик забрал свою верёвочку, развернулся и пошёл на место.

Сотрудница загса всхлипнула. Я думаю, вполне искренне. Я протянула руку. Пальцы у меня были ледяные, а его ещё холоднее, и ему пришлось сделать две попытки. Кольцо село плотно, как будто с меня снимали мерку. Я надела ему второе и заметила шрам на большом пальце.

- Объявляю вас мужем и женой! - выдохнула женщина цвета свёклы. - Поздравьте друг друга!

Вот и всё. Вот сейчас.

Мы повернулись друг к другу. Я задрала голову. Он наклонил свою. Лицо его оказалось совсем близко, я увидела красные прожилки на усталых глазах, морщинку у рта и маленький порез от бритвы под ухом. Он тоже не спал. Сейчас мне полагалось закрыть глаза.

Он не двигался. Он смотрел на меня и ждал, и я вдруг поняла, что он, этот человек с указкой, понятия не имеет, что сейчас делать. У него на этот случай не было слайда. Боже мой. Я почувствовала, как внутри у меня поднимается что-то сумасшедшее и горячее, похожее на смех, и на страх, и на всё сразу. За спиной сидела опека с термосом.

Я встала на цыпочки. В кедах это очень удобно. Я постучала двумя пальцами по его груди, по самой пуговице пиджака, там, где у обычных людей находится сердце. Тук-тук.

- Можно войти? - спросила я шёпотом, одними губами, так, что услышал только он.

Я не знаю, зачем я это сделала. Это рефлекс. Пять лет шестого этажа.

Что-то случилось с его глазами. Они как будто на секунду открылись. Как открывается окошко в запертом доме. Я не успела разглядеть, что там внутри. Он наклонился ещё немного, и его голос сказал мне почти в рот:

- Три секунды, Софья Романовна. Не более.

Губы у него были сухие, тёплые и совершенно не похожие на всё остальное в нём. Раз.

Он пах кедром и бессонницей. Его рука очень осторожно, как будто спрашивая, легла мне на спину и нащупала там английскую булавку. Два.

В зале кто-то шумно высморкался. В голове у меня стало совершенно пусто и светло, как в лифте, у которого оборвался трос. Три.

Я отстранилась. Мне показалось, что прошло больше, но у меня никогда не было точных часов. Он выпрямился. Лицо снова было на месте. Полуулыбка, поднятая бровь. Только дышал он немного не так, как положено человеку, который проводит плановую сделку.

- Три целых две десятых, - сказала Варя с третьего ряда, громко и отчётливо. - Я засекла. Превышение.

Кто-то засмеялся. Кажется, Оля. Сзади заиграл Мендельсон из колонки, с лёгким треском на третьем такте. Дима кричал: "Горько! А что такое горько?" Большой мужчина подошёл, взял своего брата за затылок и что-то сказал ему на ухо, и тот сквозь зубы ответил: "Это не обсуждается". Я стояла с одуванчиками и рыбой. На пальце у меня было чужое

золотое кольцо, которое я должна буду вернуть через триста шестьдесят пять дней, а губы почему-то горели.

Сзади, на уровне моего локтя, раздалось бульканье.

Я обернулась. Зоя Павловна Крюкова отпила из крышки и посмотрела на меня. Глаза у неё были маленькие, чёрные и ничего не выражали. Я почувствовала, как у меня на спине лопается английская булавка.

- Поздравляю, - сказала она. - Что за узел был, не знаете?

- Нет, - сказала я. - То есть… Обычный?

- Обычный, - сказала Зоя Павловна. - Ну-ну.

Она закрутила термос и покатила сумку к двери.

* * *

Брачная ночь прошла в обстановке строгой секретности.

В одиннадцать вечера я лежала на узкой кровати в комнате рядом с детскими и смотрела на мерцающий потолок. Внизу подо мной на двести метров простиралась чужая жизнь. За стеной сопели. Кольцо не снималось, палец отёк. В углу на стуле валялось голубое платье, а поверх него сидела голова единорога. Я посадила её туда для компании.

Мы вернулись домой к пяти. Обедали все вместе, Варя пожарила картошку. Старик не поехал. Он сказал мне только одно, у дверей загса, опираясь на палку. Он сказал: "Какие у вас интересные носки". И уехал. Олег после обеда сел за компьютер, потому что Сингапур, Варя ушла к себе. Мы с ним за целый вечер обменялись четырьмя фразами. Последняя была: "Спокойной ночи, Софья Романовна". "Спокой-

ной ночи, Олег Викторович". Как в поезде.

Дверь открылась без стука. Ей можно.

Босые ноги прошлёпали по полу, и край кровати прогнулся. Что-то мокрое и брезентовое легло мне на шею. Маленькое горячее тело вползло под одеяло, потопталось, закинуло на меня ногу и вздохнуло.

- Нос, - сказал мне в ухо сонный голос. - Ты теперь не уйдёшь?

Я лежала и смотрела в потолок. Не обещай того, что от тебя не зависит. Триста шестьдесят пять дней. Пункт двенадцать точка один, двадцать три часа пятьдесят девять минут.

- Следующая шутка будет про кастрюлю, - сказала я шёпотом.

- Угу, - сказала Наташа и заснула.

Через стенку, далеко, еле слышно, кто-то ходил взад и вперёд по камню. Шаги были длинные. Шесть шагов туда, шесть обратно. Потом они затихли, я услышала, как щёлкнул выключатель, и пиликнул телефон. И снова стало тихо.

Я посмотрела на кольцо в свете чужого города. Интересно, подумала я. Интересно, кому он пишет в полночь.

И провела пальцем по губам. Просто проверить.

Они всё ещё были на месте.

Глава 9. День первый

Олег

Пункт 2.4: "Сторона 1 завтракает с детьми не менее четырёх раз в неделю. Завтрак считается состоявшимся, если Сторона 1 сидит и жуёт. Штраф за пропуск: 10 000 рублей в банку Наташи".

Банку поставили на стол в семь утра двадцатого июня. Это была трёхлитровая стеклянная банка из-под огурцов. На ней кривыми красными буквами значилось: "ЧЁРНЫЙ ДЕНЬ". Первые две буквы написала Наташа, остальные - моя жена.

Моя жена. Я произнёс это про себя, стоя в дверях кухни, с телефоном у уха. Звучало как термин из чужой отрасли.

Она стояла у плиты, босая, в растянутой футболке с надписью "Цирк на Цветном", с карандашом в волосах, и мешала что-то в Вариной кастрюле. За стеклянным столом сидели трое детей, и на столе у каждого стояла тарелка с серым веществом. Я узнал это вещество. Я ел его в детском саду в девяносто шестом году.

- Да, - говорил я в телефон. - Спред сорок базисных пунктов, иначе не закроемся. Нет, скажите Сингапуру…

Она не обернулась. Она просто протянула в сторону руку с ложкой и постучала ею по банке. Звук получился чистый, высокий, как на аукционе.

Я посмотрел на банку. Посмотрел на Варю. Варя открыла

тетрадь и занесла ручку.

- Завтрак считается состоявшимся, если Сторона 1 сидит и жуёт, - сказала она, не поднимая глаз. - Вы стоите и говорите.

Откуда она знала формулировку, я выяснить не смог. Я предположил, что Софья Романовна провела для неё устный брифинг. Варя знала о сделке с первого дня, потому что читала мою презентацию. Договора она не видела и видеть не должна была: он лежал в сейфе. Я сел. Положил телефон рядом с тарелкой экраном вниз. Взял ложку. Вещество было горячим и пресным.

- Овсянка, - сказала Софья Романовна. - На воде. Молоко кончилось, потому что вы его не покупаете. Жуйте.

- Её нельзя жевать, - сказал я. - Она жидкая. Я выполнил все действия, предусмотренные договором, но предмет договора не поддаётся исполнению.

Угол рта у неё дёрнулся. Она отвернулась к плите.

Телефон под моей рукой завибрировал. Сингапур.

Я должен кое-что объяснить. Я никогда не сбрасываю звонки. Я делаю так уже почти три года и никому не рассказываю, почему. Если у меня звонит телефон, я беру трубку. На совете директоров, в самолёте, на похоронах партнёра, за столом в министерстве. Секретари считают это причудой, подчинённые боятся, Сергей смотрит на меня странно. Мне всё равно. У каждого есть свои таблетки.

Я взял трубку. Я слушал ровно девять секунд и сказал:

"Да. Закрывайте". Когда я положил телефон на стол, в кухне было тихо. Ложка снова стукнула по стеклу. Дзынь.

- Десять тысяч, - сказала Варя и что-то пометила.

- Это был Сингапур.

- Пункт 5.1, - сказал голос от плиты. - "Дети важнее совещаний".

- Я жевал!

- Вы не жевали, - сказала Наталья Андреевна. Она смотрела на меня через стол, держа ложку в кулаке. Перед ней лежал Сазан, ему тоже положили овсянку. - Викторыч, дай денежку.

Я достал бумажник. Я выложил две пятитысячные и опустил их в банку на глазах у всех. Они легли на дно с тихим шелестом. Мальчик поднял голову от тарелки и посмотрел на банку. Потом на меня. Четыре секунды.

В восемь пятнадцать я вышел из дома, опоздав впервые за одиннадцать лет. Я понёс финансовые потери, не съел завтрак и пах овсянкой.

К концу недели в банке лежало девяносто тысяч рублей.

* * *

Опекунский совет собрался двадцать второго, в Костроме, в комнате с линолеумом и фикусом. Мы поехали всей семьёй. Я надел синий галстук, на котором утром появился новый узел. Софья Романовна надела то самое платье в цветочек и держала меня под руку. Председатель, крупная дама с тремя внуками на заставке телефона, долго разглядыва-

ла фотографию: мужчина, женщина, трое детей, такса. Фотографию сделала Людмила Аркадьевна на лестничной площадке. На ней Наташа сидела у меня на шее, и я улыбался, как человек, которого душат. Ни одного слова об этом снимке председатель не сказала. Она просто сняла очки и вздохнула.

Лариса Дергачёва сидела у стены. Я тогда увидел её в первый раз: худая женщина в бежевом костюме, с собранными в хвост светлыми волосами. Она ни на кого не смотрела. Смотрела только на Наташу, неотрывно, со странной голодной болью, и я подумал, что, наверное, есть вещи, которых нет в заявлении. Рядом с ней сидел плотный мужчина с влажным рукопожатием, Станислав Игоревич. Он улыбнулся мне как коллеге. У него были дорогие часы, не по зарплате. Я заметил это автоматически.

Совет продлил предварительную опеку на пять месяцев, до двадцать второго ноября, с ежемесячным контролем. Это значило, что Зоя Павловна будет ездить ко мне на ночном поезде до самых холодов. Заявление Дергачёвых оставили открытым. Выйдя в коридор, Станислав Игоревич дружески взял меня за локоть.

- Ну, поздравляю, - сказал он, дыша мятной жвачкой. - Хорошая у вас жена. Быстро нашли. Ничего-ничего. Осенью посмотрим.

Он похлопал меня по рукаву. Это было очень лёгкое движение. Меня так похлопывал один человек из Минфина, за

неделю до того, как нас пришли проверять.

Но в тот день мы выиграли. Я купил всем мороженое. Я даже заметил, как Варя, отвернувшись к окну, съела своё до конца.

Вернувшись в Москву, я решил подойти к вопросу профессионально.

Если уж я подписался на этот проект, им надо управлять. Я составил "Регламент домохозяйства". Двенадцать страниц: график, ответственные, контрольные точки. Подъём 7:00. Завтрак 7:15-7:40, детские занятия по слотам. Поездки на логопедию, в секцию, к стоматологу с цветовым кодированием. Телефоны я купил всем ещё в первую неделю. Варе нормальный, Наташе часы с одной кнопкой, которая соединяла со мной. Тимофею простой кнопочный аппарат, чтобы он мог, если что, отправить сообщение. Всё это было подключено на один семейный тариф и привязано к моей карте. Тимофей тогда посмотрел на телефон, взял его двумя руками и унёс к себе. Больше я его в руках у мальчика не видел. Варя потребовала пересылать ей ежемесячный счёт. Я был тронут. Это было почти как если бы она сказала, что любит меня.

Регламент я разослал всем членам семьи по электронной почте в субботу вечером. В воскресенье утром Софья Романовна вошла ко мне в кабинет. Постучала. Она держала распечатку, на которой чёрным маркером был нарисован единорог с очень неприличным выражением лица.

- Что это? - спросила она.

- Это система. У вас хаос. Ребёнок обедает в разное время, никто не знает, где чьи носки. Простите, вы особенно.

- Я прочитала, - сказала она. - Читала всё, до конца, у меня теперь такая привычка. Слот 16:30-17:00. "Свободная игра (Наталья)". Олег Викторович. Как вы себе это представляете? Вы зайдёте к ней в шестнадцать тридцать и скажете: "Наталья Андреевна, начинайте свободно играть"?

- Я собирался делегировать.

Она подошла к столу. Положила листок передо мной. Я заметил, что она не злится. Вид у неё был усталый и почему-то немного весёлый.

- Вы всё время пытаетесь с ними что-то сделать, - сказала она. - Завести, настроить, закрыть. Хотите, я вам скажу, что вам надо делать? Ничего. Сядьте на пол и ничего не делайте. Посидите рядом. Сорок минут. Без телефона.

- Сорок минут чего?

- Ничего.

Я всерьёз попытался. В тот же вечер я снял пиджак, вошёл (постучав) в комнату Тимофея и сел на пол. Мальчик посмотрел на меня и вернулся к шнуру. Я сидел. Камень был твёрдый. Я посчитал плитки на полу. Посчитал, сколько времени уйдёт на закрытие квартала. Потом начал думать про спред. На седьмой минуте я встал, потому что у меня зачесалась нога и потому что мне показалось, что я теряю деньги. Это были самые длинные семь минут за всю мою жизнь.

Такса посмотрела на меня с откровенным презрением.

- Семь минут, - сообщила мне Софья Романовна на кухне, глянув на часы. - Неплохо для начала. У вас болит что-нибудь?

- Всё, - сказал я.

- Хорошо, - сказала она. - Значит, работает.

* * *

В среду первого июля совет директоров утверждал размещение облигаций на двенадцать миллиардов.

Мы сидели на сорок девятом этаже. Четырнадцать человек за длинным столом, Сергей во главе. Я стоял у экрана и докладывал ставку купона. Именно этот момент, как я теперь понимаю, является лучшим в карьере финансиста: четырнадцать пар глаз, тишина, красивый график, и ты говоришь цифры, а цифры подчиняются. Шубин бы сказал, что я похож на мать, которая играет на рояле.

В кармане завибрировал телефон.

Я вынул его, не прерывая фразы. На экране была фотография рыбы. "НАТАЛЬЯ".

Сергей поднял глаза. Он знает про мои звонки. Все знают. Но обычно это был банк.

- Прошу прощения, - сказал я совету директоров. И нажал на ответ.

- Викторыч, - сказали на весь зал часы с одной кнопкой, потому что громкая связь включилась сама. Голос у неё был озабоченный. Было слышно, как она дышит. - Сазан какает.

Я не знаю, замечали ли вы когда-нибудь, как звучит абсолютная тишина в зале стоимостью в сорок миллионов долларов.

Я видел лицо банкира из "Газпромбанка". У него медленно приподнимались брови. Председатель аудиторского комитета, седой академик, застыл с чашкой у рта.

- Понял вас, Наталья Андреевна, - сказал я ровным голосом, глядя в график. - В каком объёме?

- Много.

- Рекомендую обратиться к Софье Романовне. Она находится в периметре?

- Нос спит. У неё лицо на подушке. А ты когда придёшь?

- В девятнадцать тридцать. Что-то ещё на повестке?

Она подумала. Я слышал, как думает. В тишине зала заседаний это было отчётливо слышно.

- Нет, - сказала она. - Пока.

Связь прервалась. Я аккуратно положил телефон на стол, экраном вниз. Обвёл глазами совет директоров. Поправил очки.

- Итак, - сказал я. - Ставка купона. Девять целых шестьдесят пять сотых.

Сергей смотрел в стол. Он прижимал к губам кулак, и его могучие плечи чуть заметно дрожали. Паша у двери смотрел в пространство, но левый угол его рта сдвинулся почти на миллиметр. Размещение мы утвердили единогласно. Вечером мне прислали с неизвестного номера картинку: рыба

в деловом костюме и надпись "Сазан какает. Рейтинг: стабильный". Я подозреваю Газпромбанк.

Это был хороший день. Я ещё не знал, что через четыре часа всё станет гораздо хуже.

Я приехал в девятнадцать тридцать две. Дома было тихо и пахло чем-то странным, резким, вроде керосина. В гостиной на полу, на расстеленных газетах, сидели в ряд трое детей с полиэтиленовыми пакетами на головах. Посреди них стояла моя жена в резиновых перчатках и с длинной металлической расчёской в руке. Лицо у неё было как у сапёра.

- Что случилось? - спросил я.

Варя посмотрела на меня из-под пакета с выражением человека, который видел всё. Наташа радостно помахала рыбой. На рыбе тоже был пакет.

- Не подходите, - сказала Софья Романовна. - Садик. Вчера с утра у Наташи чесалась голова, я думала, жара. - Она подняла расчёску и поднесла к моему лицу что-то очень маленькое. - Вы сегодня чесались?

Я медленно поднял руку. Да, подумал я. Я всё заседание думал, что это нервы. Я вчера вечером почесал за ухом на переговорах с Цюрихом. Сегодня утром, перед советом директоров, я незаметно почесал затылок. А за завтраком Наташа сидела у меня на шее.

- Что это? - спросил я, хотя уже всё понял. Я разглядывал этот маленький предмет, и он, кажется, шевелился.

- Вши, - сказала моя жена. - Поздравляю вас, Олег Викто-

рович. Вы многодетный отец.

Завтра в девять утра у меня была встреча с инвесторами в "Ритц-Карлтоне".

* * *

Полночь. Кухня. Детей отмыли, вычесали и уложили. Варя ушла, держась очень прямо и не сказав ни слова об этом событии, как королева после гильотины.

Я сидел на полу, на газете. Без рубашки, с мокрым полотенцем на плечах. На моей голове сорок минут простояло средство, запах которого мог бы остановить наступление бронетанковой дивизии. Голову только что вымыли над раковиной. Теперь за мной, на табуретке, сидела Софья Романовна. Мои плечи упирались ей в колени. Я держал настольную лампу. Она брала мои волосы прядь за прядью и проводила по ним частым железным гребнем, от самых корней. Медленно, сантиметр за сантиметром.

Это было очень странное ощущение.

- Не дёргайтесь, - сказала она.

- Я не дёргаюсь. Я проверяю, насколько это дорого. В "Ритце" завтра будет тридцать фондов.

- Голову наклоните.

Я наклонил. Пальцы у неё были твёрдые, сухие и очень точные. Они взяли меня за подбородок и повернули к свету. Гребень прошёл за ухом. Я почувствовал, как по шее сверху вниз разбегаются мурашки. Я решил, что это от химии.

Я попытался вспомнить, когда кто-нибудь последний раз

трогал мою голову. Парикмахер в Столешниковом - не в счёт. Женщины, которые были у меня до этого, тоже не считаются: они за неё держались.

Был один человек. У неё были очень худые руки, с синими следами от капельницы на сгибах. Я сидел на краю кровати, и она проводила рукой по моим волосам, вперёд и назад, всё медленнее. И говорила: "Да ты весь в вихрах, Олежка. Как тебя причёсывать, ума не приложу. Ну, давай. Ещё один".

Мне было девять.

- Что? - спросила она.

Я вздрогнул. Оказывается, я перестал дышать.

- Ничего, - сказал я. - Вы очень агрессивно проводите инспекцию. Там что-нибудь осталось?

Гребень на секунду остановился. Я чувствовал спиной её колени, и сквозь запах отравы до меня дошёл ещё один, почти незаметный: лимонное мыло и карандаш.

- Почему вы всегда берёте трубку? - спросила она.

Вот тебе и раз. Я смотрел прямо перед собой, на ножку стола. На ней белела одна из Пашиных поролоновых накладок.

- На свадьбе вы сказали "перезвоню" и осеклись. Вы побелели. Я видела. И Варя говорит, вы берёте всегда, даже когда за рулём или в туалете. Вот сегодня взяли на совете директоров. Гриша всей охране рассказал. Почему?

- Клиентоориентированность, - сказал я.

Она не засмеялась. Гребень снова пополз вниз, очень

осторожно. Она ничего не сказала. Просто молчала там, надо мной. Как в тот первый день, когда она сидела к мальчику спиной и вязала самый идиотский бантик на свете. Я подумал, что это у неё, наверное, какой-то профессиональный приём. Сиди рядом и ничего не делай.

Я проработал с этой женщиной двенадцать дней. Я знал, сколько она ест и сколько спит. Вчера на кухне я застал её в три часа ночи, она сидела в темноте и писала что-то в маленькой тетради, а когда увидела меня, закрыла её и спросила, какого чёрта я не сплю. Я знал, что у неё всегда разные носки и что кольцо она так и не сняла, хотя могла бы. И что её мать носит очки на цепочке и звонит ей в девять вечера. Я не знал ни одной причины, почему должен отвечать ей правду. В договоре это, правда, было. Пункт 5.4. Но там речь шла только о лжи, а здесь я просто хотел немного помолчать.

- Всё, - сказала она через некоторое время и легко стукнула меня гребнем по макушке. - Чисто. Вы свободны, господин финансовый директор. Можете ехать к своим фондам.

Я поднялся. Колени щёлкнули. Посмотрел на неё сверху вниз. Она сидела на табуретке, уставшая, зелёная в свете лампы, с красными пятнами на щеках от химии и с огромной копной меди, закрученной на карандаш. И вдруг почесала за ухом.

Мы посмотрели друг на друга. Я увидел, как до неё доходит.

- Нет, - сказала она.

Я молча взял со стола гребень.

- Нет! Я сама!

- Пункт 5.1, - сказал я. - Дети важнее совещаний. Вы только что контактировали с четырьмя источниками заражения. Пересядьте на пол, Софья Романовна. Пожалуйста. У вас на этой голове волос, как у трёх сотрудников моего департамента. Я подсчитал, это займёт четыре часа.

Мне потом сказали, что я смеялся. Что в третьем часу ночи из кухни на пятьдесят восьмом этаже доносился смех двух взрослых людей с пакетами на головах и что Варя слышала это за двумя стенами и лежала с открытыми глазами. Я этого не помню. Помню только тяжёлые влажные кудри, которые никак не кончались и которые наматывались мне на пальцы, и что я был очень осторожен. Я никогда в жизни не был так осторожен, даже при раскрытии информации на бирже. А один раз она сказала "ой", и я выронил гребень.

В девять утра в "Ритц-Карлтоне" я стоял перед тридцатью фондами, в свежей рубашке, и излагал кредитную историю холдинга. От меня ощутимо пахло керосином. Человек из "Пимко" спросил, что у меня за парфюм. Я сказал, что это новая стратегия снижения рисков.

Мы разместились с трёхкратной переподпиской.

Отчёт № 6.

Получатель: Рябинин А. С.

Период: с 20 июня по 3 июля.

Поступления в банку Наташи: 170 000 рублей.

Педикулёз: 5 случаев, ликвидировано.

Сидение на полу: личный рекорд 11 минут.

Прочее: она спросила, почему я всегда беру трубку. Я не ответил. Умолчание приравнивается ко лжи, пункт 5.4. Я уже нарушаю, а прошло всего две недели.

Ты бы мог мне сказать, что с ними настолько страшно. Ты мог бы мне тогда перезвонить ещё раз. Хотя нет. Не мог. Это я должен был.

Статус: доставлено. Одна галочка.

Глава 10. Шпаргалка

Соня

Пункт 4.3: "Стороны обязаны знать друг о друге сведения, которые обычно известны супругам. Перечень см. в Приложении № 3".

Приложение № 3 составила Варя.

Она принесла его на кухню в воскресенье вечером и положила передо мной и Олегом, как кладут перед обвиняемыми обвинительное заключение. Это был распечатанный на принтере список на четырёх страницах, с нумерацией. Она называла его "шпаргалка", но вид у него был такой, будто по нему будут расстреливать.

- Сто двенадцать вопросов, - сказала она. - Я взяла их из анкет иммиграционной службы США для проверки фиктивных браков. Зоя Павловна таких анкет не читала, но она тридцать один год разговаривает с людьми. Контрольный визит в начале июля, день неизвестен. Если она вас разведёт по разным комнатам и спросит, вы провалитесь уже на третьем. Какой размер обуви у мужа?

Мы посмотрели друг на друга. Олег сидел напротив меня, без галстука, и ел холодную картошку прямо со сковородки. Это он у нас недавно научился.

- Сорок пять, - сказал он.

- Я спросила её.

- Большой, - сказала я.

Варя закрыла глаза.

- Какой стороной кровати пользуется жена? С какого возраста муж носит очки? Как зовут лучшего друга? Что муж ест, когда болеет? Какая у жены самая ужасная привычка? На кого у жены аллергия? Как вы познакомились и кто первым сказал "люблю"? Я подготовила ответы, какие могла, остальное заполните сами. Учить надо наизусть. - Она встала, подумала и положила рядом на стол карандаш. - Я не могу вас спасать вечно. Мне тринадцать.

Мы учили это всю неделю.

Мы учили в лифте, за завтраком и по телефону. Я стояла у плиты и говорила "Любимое блюдо?", и он, не отрываясь от экрана, отвечал: "Лапша с тушёнкой, как в армии". "Вы не служили". "Отец записал меня в пятнадцать лет на сборы. Я застрелил мишень соседа". Он спрашивал меня в прихожей, надевая пиджак: "Какое у меня самое раннее воспоминание?" Я говорила: "Откуда я знаю, какое?" Он говорил: "Запиши. Арбуз. Серёжа ест арбуз на даче, мне два года, я кричу, потому что мне не дают".

И вот что странно. Я знаю, что это звучит глупо. Я шла к этому как к таблице умножения: выучить и сдать. Но это ведь были вопросы, которые никто никогда ни про кого не задаёт. "Чего вы боялись в детстве?" Он ответил: "Что папа придёт на родительское собрание". Потом, помолчав, сказал: "Лифтов не боюсь. Воды немного. Запишите просто: воды.

Это неважно". "Какой звук вы терпеть не можете?" Я ответила: "Когда лопается шарик". Он посмотрел на меня поверх очков и спросил: "Почему?" И я ответила раньше, чем подумала: "Потому что дети тогда вздрагивают. Те, у кого в руке катетер". Он ничего не сказал, просто записал. Потом я заметила, что из квартиры исчезли все воздушные шары, которые партнёры холдинга прислали нам на свадьбу. Я спросила у Гриши. Гриша сказал, что он их вынес, потому что Олег Викторович велел, и что вынести их он должен был так, чтобы они не лопнули.

Я решила об этом не думать.

Вообще, за эти недели я решила не думать примерно о сотне вещей. Я очень занята. Я встаю в шесть. У меня трое детей. У меня мама, которая перестала вздрагивать на звонки. Я вставала в шесть утра, как на смену, и шла к двери в комнату Тима.

Я стучала. Два раза, вежливо. Дверь у него всегда открыта настежь. Я стояла на пороге и говорила: "Доброе утро, коллега. Можно войти?"

В первый день ничего не произошло. На второй тоже. Он сидел на полу с таксой и смотрел в окно. На третий день я сказала, не заходя:

- Ты можешь не отвечать, это твоё право. Но если вдруг надо будет меня выгнать, у нас в больнице есть способ. Один стук - "нет". Два стука - "да". Можно ногой. Можно рыбой. Если "нет", я очень обрадуюсь. Ты даже не представляешь,

как мне редко везёт.

Я постояла. Ушла. На четвёртый день я постучала, спросила. Было очень тихо. Потом из комнаты послышался маленький сухой звук.

Тук.

Один раз, костяшкой по полу.

Боже мой, как я обрадовалась. Я не шучу. Я вцепилась в косяк. Я хотела заорать так, чтобы услышали в Цюрихе. Я сказала: "Нет! Спасибо большое, коллега! Отличное "нет"!" И пошла на кухню, села на табуретку и минуты три смотрела в стену, а потом разбила два яйца мимо сковородки.

Назавтра снова: тук. И на следующий день тоже. Он выгонял меня каждое утро в течение девяти дней, серьёзно и аккуратно, и каждое утро я прыгала от счастья в коридоре. Логопеда, которого нанял Олег, я уволила сама, в первый же день. Просто сказала ему, что мальчик вчера написал жалобу. Олег вечером спросил: "Почему логопед не приходит?" Я ответила: "Потому что этому ребёнку хватит взрослых, которые заходят к нему и что-то с ним делают". Я приготовилась к битве. Он снял очки, потёр переносицу и сказал: "Вы специалист". И всё. Я этого не ожидала. Я немного постояла с открытым ртом.

На десятый день, девятого июля. Я точно помню, это был четверг, потому что я собиралась в больницу. Шесть утра. Я постучала. Спросила. Мне показалось, что за дверью кто-то глубоко вдохнул.

Тук.

Тук.

Я не сразу поняла. Я стояла и слушала, как в ушах колотится кровь. Потом я сделала один шаг, медленно, как ходят по очень тонкому льду, переступила порог и села на пол у самой двери, не подходя. Он смотрел на меня из угла. Я смотрела на него. Мы посидели молча.

Но это было потом. А контрольный визит случился седьмого.

* * *

Она пришла в семь вечера, когда Олег только что вернулся и мы все сидели за столом. Консьерж даже не позвонил. Я думаю, он при виде её сразу лёг на пол. Дверь была открыта, потому что Гриша заносил коробки. На пороге раздался скрип колёсиков, и сердце у меня ухнуло куда-то в разные носки.

- Приятного аппетита, - сказала Зоя Павловна Крюкова.

Она сняла туфли, поставила их ровно и переобулась в свои тапочки, которые принесла с собой в пакете. Потом вымыла руки. Потом проверила кастрюлю.

Опрос она проводила на кухне, сначала с ним. Меня попросили выйти и закрыть дверь. Я стояла за дверью и прижималась ухом к стеклу, а рядом со мной, с другой стороны косяка, стояла Варя и прижималась с другой стороны. Мы переглянулись.

- Любимый цвет жены? - донёсся сквозь стекло дребезжа-

щий голос.

Я знала ответ. Мы учили. Зелёный. Вопрос номер девятнадцать.

Пауза.

- Я бы сказал, что это цвет меди, - услышала я его голос. Голос был какой-то задумчивый. - Такой, знаете, когда кабель зачищаешь.

Варя повернула ко мне голову и медленно, очень медленно подняла одну бровь.

- Зелёный! - беззвучно сказала я ей. - Зелёный же!

Варя что-то пометила у себя на ладони.

Потом вышел он, и вошла я. Меня усадили на табуретку. Зоя Павловна открыла потрёпанную тетрадь в клеёнчатой обложке, надела вторые очки поверх первых и посмотрела на меня снизу вверх, хотя сидели мы на одном уровне. Я и не знала, что так можно.

- Что муж ест, когда болеет?

- Ничего, - отчеканила я. - Он не болеет. Он работает. Он один раз работал с температурой тридцать девять и пять и утвердил бюджет.

Это была правда. Это было в шпаргалке.

- Ага, - сказала она. - А что он делает, когда расстроен?

Я открыла рот. Этого в шпаргалке не было.

Что он делает? Я смотрела на сухое старое лицо. Он шутит. Он улыбается одной половиной рта. Потом у него дёргается мускул под левым глазом. Потом он идёт в кабинет и

считает. Я вдруг поняла, что это знаю. Что я видела это уже раз пять. Что я, оказывается, каждый вечер смотрю, дёргается ли этот мускул, и что, если дёргается, ставлю ему чай с лимоном и ухожу, ничего не говоря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.